

Хмельницкий Н. М.

НЕ ПРОВЕРИВ БРОДА—
НЕ КИДАЙСЯ В ВОДУ

г. Назарово 1992 г.

ХМЕЛЬНИЦКИЙ Н. М.

Не проверив брода —
не кидайся в воду.

ОТ ВСЕГО СЕРДЦА...

Вы раскрыли эту необычную домашнюю книгу рассказов Н. М. Хмельницкого... Советую Вам настроиться на доброжелательное отношение к каждому написанному слову.

Читая рассказы, Вы проследите жизненный путь Николая Михайловича, дороги которого пролегли от огненных лет Отечественной войны. Рассказы этих лет поданы не в трагической, а скорее всего, в несколько облегченной форме. И это вполне понятно, ибо Н. М. Хмельницкому в ту пору шел 18-й год.

Война его не согнула и не сломала. Он понимал, что это тяжелый изнурительный труд. Молодой воин смело шел навстречу трудностям, страху, навстречу смерти, шел с одним настроением и желанием — победить! И это придавало ему силы.

...Эту уверенность, этот оптимизм и хорошее настроение Николай Михайлович пронес через всю жизнь. И хотя ныне он относится к категории людей старшего поколения, Н. М. молод! Молод своей одержимостью в работе, своим отношением к родным, знакомым, друзьям, молод своей искренней улыбкой на жизнь.

Рассказы, которые Вы прочтете, не вымышлены, они взяты из жизни, из своей собственной жизни Николая Михайловича. Уверен, что Вы правильно поймете автора, который ни в одном своем произведении не назвал собственного имени. Скромность, доброта, порядочность, жизненные проходы лейтмотивом через все его повествования.

И не только взлеты, но и падения были на его жизненном пути, но Н. М. умел встать, проанализировать падение как естественный процесс и шел дальше по дороге этой большой и прекрасной жизни.

Позвольте от Вашего имени, уважаемый читатель, пожелать автору дальнейших творческих удач, долгих жизненных дорог, большого счастья! Николай Михайлович заслуживает этого вполне!

Прочтя эту книгу, Вы убедитесь и непременно согласитесь со мной. Спасибо за единомыслие!

В. А. Седов — режиссер
Красноярской студии телевидения.
22 января 1988 года.

ТРЕВОГА

В конце июня на берег Оби пришла учебная радиорота. Ребята расположились на бревнах большого плота, далеко вдававшегося в реку. Молодые, рослые они начали нырять с плота подолгу задерживаясь под водой, все друг перед другом старались показать себя, какие они отличные пловцы. Для курсанта Саши Осипова здесь все ново, все интересно. Он впервые видит такую большую реку. Снуют туда и сюда лодки. А вон катер надрываясь пыхтит-тянет баржу. От правого берега, басовито прогудев отчалил пароход.

Да-а... — задумчиво произнес Саша. Глубокая должна быть река, не то что наша Сосновка, которую в засушливое лето переходят вброд. Неподалеку, расставив длинные ноги, на крайних бревнах заднего сплотка, стоял и всматривался вдаль высоченный курсант Колобовников из второго взвода.

«Любуется или тоже реки боится», — подумал Саша. Тут он увидел: двое незнакомых парней подбежали к Колобовникову и один из них ухмыляясь прокричал:

— Что стоишь?.. Верзи-и-ла!.. А ну, Юрих, окунем его! Не успел Саша что-либо сообразить, как Колобовников сказался в реке. Саша увидел его испуганные глаза, бледное лицо, нелепые взмахи рук.

«Да он не умеет плавать», — обожгла Сашу внезапная мысль. Саша заметался на плоту. В памяти пронеслись слова, недавно сказанные на занятии командиром роты: настоящий солдат тот, который никогда, ни при каких обстоятельствах не оставит товарища в беде.

Долго казалось пробыл Колобовников под водой. На какое-то мгновение остриженная голова его вновь появилась из воды. Плохо плавал Саша, но забыл о собственном страхе. Нырнул, надеясь поймать человека за руку, однако едва он коснулся тела тонущего, как тот крепко обвил сильными руками Сашину талию вместе с левой рукой. Саша попробовал освободить руку, но тонущий схватил его мертвой хваткой. Оба пошли ко дну. Ногами Саша ощутил холодные камни на дне. Он резко оттолкнулся и усиленно начал грести свободной правой рукой. В глаза

ударил свет. Он успел вдохнуть немного воздуха, и они снова погрузились в глубину. Так повторилось несколько раз. Саша выбивался из сил.

— Спа-си-и-ите!.. — звал он людей.

Но пока они находились на шумном пляже — никто не расслышал тревожного его голоса. Течение их уносило от берега. Вынырнув последний раз, он увидел двух девушек в лодке, почти рядом.

— Тонем!.. Помогите!.. Девушки услышали его слабый голос и поспешили на помощь. Саша уцепился рукой за борт лодки. Так девушки и доплыли с ними до берега. Горнист заиграл тревогу. Сбежались командиры и курсанты, они оказали первую помощь пострадавшим. Придя в сознание, Колобовников в первую очередь спросил:

— Кто меня спас?.. Ему указали вначале на Осипова, потом на девушек. Он поблагодарил всех за спасение.

На следующее утро ребят провожали на фронт.

„НЯНЕЧКА“

Был у нас в батальоне боец Чугунов, невысокий, полный, медлительный увалень с круглым, слегка побитым оспой, лицом. По службе всегда у него что-нибудь да не клеилось. То у него в строю разматается обмотка, то портилка трет ногу, то оружие окажется непочищенным, а то и вовсе чего-нибудь не хватает в его снаряжении.

От командиров ему крепко доставалось, но он к замечаниям и взысканиям так привык, что считал это как должное. Однажды, на привале где-то, он позабыл свой вещевой мешок. Один из бойцов преподносит Чугунову его потерю и ехидно посмеиваясь говорит:

— Тебе, Чугунок, везде и всегда нужна нянечка...

Кто-то подхватил это унизительно-ласкательное слово «нянечка» и оно навсегда прилипло к бойцу Чугунову. Вскоре он к этому новому имени привык и не обижался.

В конце сентября на Украине шли частые дожди. Но вот небо прояснилось. Установилась тихая, солнечная погода. Бойцы с опаской стали взирать на небо, и ненапрасно.

Вскоре на большой высоте, как коршуны высматривая

свою добычу, закружился немецкий самолет-разведчик. Он не долго провисел над окапывающимся батальоном и сделал большой круг исчез на западе.

— Сегодня завоют над нами крылатые пираты — «Костыль» свое дело сделал, все высмотрел и смылся восво-яси, — со злобой сказал бывалый солдат, углубляя в стенке окопа саперной лопаткой «лисью нору», для спасения от осколков.

Хотя немцы и оставили деревню, но где они сейчас находились никто не знал. Батальону было приказано окопаться в степи за деревней.

У Нянечки как обычно чего-нибудь да не хватало из его амуниции. На сей раз у него не оказалось саперной лопатки. Штыком от немецкой винтовки, который носил он на поясе вместо ножа, снял верхний слой дерна на длину и ширину окопа. Он уселся на кучку пластов, достал пачет, свернул цыгарку и решил перекурить, пока у соседа справа освободится лопатка.

Внезапно на горизонте на ясном небе появились черные точки. То были фашистские самолеты. Их могучие моторы доносили неровный, прерывистый рокот, как бы выговаривая: «Везу, везу, везу»...

Слева с холма ударили наши зенитки. Звук их выстрелов напоминал: «Куда? Куда? Куда?».

Нянечка заметался, ища укрытия. Среди деревьев, обожженных, поколеченных осколками, он увидел яму с обвалившимися краями. Из нее по канаве вытекал тоненький ручеек, и впадал в скопившуюся от дождей в ложбине лужу.

«Вот и готовый окоп, — обрадовался Нянечка. — Хотя здесь сыро и грязно, зато пули и осколки не найдут меня». Чтобы не сползти в зеленоватую, блестящую в середине ямы жижу, он каблуками ботинок выбил в податливой глине опору для ног. Надел на голову каску, положил рядом скатку, на нее кинул винтовку, и сам улегся на крутой откос ямы.

Между тем бомбовозы, сделав разворот, выходили на цель. Нянечка, втянув голову в плечи, с закрытыми глазами ждал, что вот-вот какая-нибудь из падающих бомб может упасть на него. Содрагалась земля от близких раз-

рывов, шипели и звенели осколки. Онемело от грохота и страха все тело. Едкий дым першил в горле. Казалось этому аду не будет конца. От сильного переживания и потрясения Нянечка даже вспотел.

Сбросив свой смертоносный груз, бомбовозы растворились на горизонте. Воздух постепенно очистился от пыли, дыма и гари.

Зенитки помешали прицельно сбросить смертоносный, адский груз на позицию батальона.

«Счастливым все-таки я человек... Остался живой и невредимый после такой жуткой бомбежки, — радостно рассуждал он. Фрицев хотя и выгнали из деревушки, но они могут вернуться снова и еще с большей силой. А после самолетов — могут бросить и танки. Нужно, как можно скорее зарыться в землю». Он поднялся, хотел у соседа взять лопатку и закончить начатый окоп. Но вдруг поскользнулся и очутился в яме. И сразу же по пояс влетел в вонючую жижу. Он схватился за стенку руками, но пальцы скользнули по раскисшей глине. Ноги еще глубже погрузились. Сначала он не понял в какую страшную лужу попал. А когда до него дошло, он сильно испугался и необдуманно начал кидаться из стороны в сторону. Чем больше делал он движений, тем глубже погружался. Своим телом он расшатывал слежавшиеся нечистоты. По всей вероятности здесь стояла когда-то немецкая кухня и все сбросы от нее сваливались в яму. Едкая зловонная жидкость, как серная кислота проникла сквозь обмотки, брюки, гимнастерку, нательное белье, всосалось в тело и начало его зудить, щипать и разъедать. Вот когда он по настоящему признал все свои глупые поступки. Осознал свое пренебрежение к добрым и полезным советам командиров и своих товарищей по службе. Что стоило бы ему вернуться еще там, где на привале у деревни он позабыл лопатку. Поленился за ней сбежать. Махнул рукой, авось обойдется. Вот оно как обошлось. Любому врагу не пожелал бы так смешно и глупо попасть в такое гиблое положение. Погибнуть парню в двадцать лет, не познавшему жизни, не женатому, которого и оплакивать некому будет, кроме матери. Хотя и стыдно ему будет перед товарищами, за свою глупую оплошность, но деваться некуда. Без посторонней помощи ему из ямы не выбраться. Смерть

подступила к самому горлу. Приходится задираТЬ голову до предела кверху, чтобы не захлебнуться. Еще минута — две и конец.

— Пог-ги-гибаю!.. Спа-си-ите!.. — он закричал так громко, что его наверное услышали на самом краю расположения батальона.

К нему подбежало сразу несколько бойцов. Помощь годоспела вовремя. Нянечка захлебывался. Ребята с трудом вытащили его из ямы. Весело смеясь, довольные, жизнерадостные, что остались живы после бомбежки, они купали Нянечку в дождевой луже приговаривая:

— Так-так его полощи!.. Смойвай с него всю дрянь!.. Вымывай из него всю неродивость!

После обильного купания все обмундирование на нем пришло в негодность. Гимнастерка, брюки, обмотки настолько побелели, будто они очень долго пролежали в щелочи.

Один боец принес брюки, другой гимнастерку, третий обмотки и белье. Так и одели Нянечку во все чистое сухое и новое.

Переодеваясь он с блеснувшими на глазах от умиления слезами, ласково поглядывая на своих спасителей с волнением проговорил:

— Спасибо, вам, братцы!.. Вовек не забуду!..

Подвиг сержанта

Блиндаж содрогался от разрывов немецких снарядов и мин. С потолка бревенчатого настила сыпалась земля. Комбат, уже немолодой, усталый человек, по-отечески взглянул на стоявшего по стойке «смирно» стройного, кареглазого юношу, с трепетом ожидавшего приказа. Комбату было жаль посылать среди светлого дня этого молоденького паренька на опасное и ответственное задание. Но что поделаешь — война...

В подбитом немецком танке, стоявшем на нейтральной полосе, затаился вражеский корректировщик, он дает точные координаты своим артиллеристам и минометчикам, а те ведут прицельный огонь по нашим позициям.

В блиндаже зазвонил телефон.

— Слушаю, — хриплым, утомленным голосом ответил майор.

— Почему не отправляете людей на выполнения столь важного задания? — донесся из трубки властный голос командира полка. Комбат, помедлив с ответом, в оправдание произнес:

— Хотел дождаться темноты, чтобы избавиться от потерь.

— У меня нечем пока подавить эту фашистскую точку. Артиллерия где-то в пути, а за это время сколько он может нам натворить бед. Выполняйте приказание!..

— Есть!.. — ответил комбат и, положив трубку, на минуту задумался: «Вся тяжелая техника брошена к Сталинграду, там создалась трудная и опасная обстановка».

— Вы видели, где стоит подбитый танк?.. — обратился он к сержанту Березину.

— Так точно, видел! Справа от наших траншей, на тригорке.

— Возьмите из своего взвода самых ловких и смелых четырех бойцов и уничтожьте фашистскую мразь!

— Есть уничтожить фашистскую мразь! — козырнул сержант и направился к выходу.

Прихватив бутылку с зажигательной смесью, вооруженные автоматами и гранатами, четверо бойцов с сержантом по-пластунски поползли к подбитому танку.

День был яркий, солнечный, но по-осеннему холодный. «Надо ползти с большими интервалами, чтобы всех разом не могли накрыть фашисты», — подумал сержант и приказал бойцам рассредоточиться. Однако немцы не жалели снарядов и мин. Они начали обстрел из многих орудий и минометов. Затрещали пулеметы. Наши тоже, в поддержку своим, усилили огонь по врагу. Но вот одна из вражеских мин разорвалась впереди пластунов. В сплошном разрыве мин и снарядов были убиты трое бойцов, четвертый ранен. Березин подполз к нему и поспешно сделал перевязку.

«Выполнить задание придется мне одному», — тревожно подумал он. Обдуманно майор послал пять человек. Он рассчитывал, что кто-нибудь из пятерых может остаться живым и уничтожить невидимого в танке гитлеровца. Березин полз осторожно, не поднимая головы. Он часто менял направление. Доползал до какого-нибудь бугорка или ложбинки, затаивался, осматривался. Выбирал более

подходящее, менее уязвимое место и полз туда, все ближе к цели. А местность, как назло, без единого кустика, без травишки. Все выжжено, изрыто, истоптано. Впереди виден след от гусеницы танка. Образовалось маленькое углубление в сырой почве. Туда и заполз сержант. И как раз вовремя. Немецкий пулеметчик ударил по тому месту, из пулемета, где только, что был Березин. Пули рикошетом взмыли вверх.

— Эх, доползти бы до фашистского изверга! — шепчет сержант. — Сколько из-за него погибло наших ребят там, в окопах и траншеях, и сколько еще может погибнуть!.. — Он оглянулся. Вот они лежат позади. Даже не верится, что они никогда не поднимутся. А ведь только что были рядом, перебрасывался с ним словами, подбадривал. Вот Андрей — парень из Сибири, всегда веселый, шутовской, идя на это опасное задание, шутил и смеялся, теперь лежит неподвижно. И те двое совсем еще юнцы, им бы по оврагам воробушков голять. Тяжело раненый — их же ровесник, не шевелится, однако тоже не жилец.

Снаряды ложатся левее, но горячие волны и свист осколков ощущаются всем телом. Над головой взвихрилась целая стайка пуль. Рывок вперед. Маленькое углубление в земле, и тело само вжалось в него. Немцы посчитали, что с хребцами покончено. Обстрел постепенно затихает. Они не видят за танком сержанта. Он вскакивает, подбегает к танку и бросает бутылку с зажигательной смесью. Пламя охватывает танк. Гитлеровец из открытого люка скатывается на землю.

Березин вскидывает автомат и нажимает на спусковой крючок. Очередь срезает фашиста, он с искаженным от боли и страха лицом успевает повернуть голову назад, как бы желая запомнить, кто его сразил, и тут же падает бездыханный. Постояв с минуту в ожидании, не появится ли еще кто из танка, короткими перебежками Березин направляется к своим. Подбегает к раненому в надежде унести, если жив, из-под обстрела. Прижимается ухом к груди, но сердце не бьется. Хотя задание и выполнено, но в душе боль и тяжесть, жалость. Погибли такие ребята!.. Фашисты вновь открыли огонь из всех видов орудия. Они злобствуют. Замолчал их корректировщик. Сплош-

ной грохот, до боли режет слух, едкий дым лезет в глаза и горло. Березин опять ползет по-пластунски. Вдруг резкая боль в спине. Сознание меркнет. Очнулся в госпитале. Позже узнал, что за образцовое выполнение задания представлен к правительственной награде — ордену Красной Звезды.

В з а с а д е

Как это могло случиться? — обращаясь к другу, спросил молоденький, невысокого роста, с черными усиками, сержант артиллерист Алексей Скакунов, присаживаясь рядом на обломок от дуба, заброшенного в траншею взрывом снаряда. Сержант Василий Мельников нервно дернул плечами, поправил на голове каску, водворил под нее выбившийся русский чуб и мрачно произнес:

— Должно быть... диверсанты... больше здесь некому устроить столь гнусное дело.

— Жаль ребят, — печально вздохнул Алексей.

— Сколько их полегло?..

— Говорят погиб весь состав батареи...

В их разговор неожиданно вмешался ефрейтор Клюев. Высоченный детина с суровым небритым лицом.

— Я узнал от политрука. Он рассказывал нам со всеми подробностями об этом страшном деле.

— Ну а ты поведай нам, — с нетерпеливой поспешностью попросил его сержант Скакунов.

Яков уселся рядом с ними, снял каску, пригладил крупной ладонью рыжеватые волосы и неторопясь повел свой печальный рассказ:

— Самураи пригрели у себя бежавших из России во время революции белогвардейцев. Теперь их сынки за любую подачку с особым усердием служат своим хозяевам. С детских лет обучали их разным костеломным способам: Джиу-Джитцу, самбо и тому подобным способам борьбы. А также научили искусно владеть любым видом оружия. Иные настолько натренированы метать ножи, что с расстояния двадцати и более метров могут острием расщепить самый тонкий карандаш.

— Тогда понятно, как им удалось бесшумно снять ча-

сового с дальней дистанции, — высказал свою мысль сержант Мельников доставая кيسет с табаком.

— Вот именно, без выстрела, — подтвердил рассказчик. — Глухой темной ночью они подкрались к часовому и метнули нож сзади в спину, часовой даже не вскрикнул. Потом вскочив в траншею, они начали резать спящих. Прикончили всех кто попался под их кровавую руку. Предполагают, что и было то их всего двое. Лазутчики эти, очень коварны, жестоки и беспощадны. Нам надо быть все время настороже. Нас может постигнуть та же участь, как и тех ребят из соседнего подразделения, если мы будем «беспечно спать среди дубравы», — закончил он свой ужасный рассказ словами из старинной песни.

«Не так-то просто найти головорезов в этих лабиринтах, — подумал Алексей. Все здесь строилось много лет. Сначала подвели железную дорогу, затем построили железобетонные укрепления, с подземными ходами. Их сверху покрыли толстым слоем земли и посадили деревья. Теперь уж вон какие дубы вымахали: в обхват, а то и больше. Сколько раз прочесывали отбитую у врагов местность, проверяли и доты, и дзоты, траншеи и все попусту. Должно быть лазутчики скрываются где-то глубоко под землей, в специальном тайном убежище.

У замаскированного орудия ночью сержант Скакунов не мог уснуть. После проливных дождей, ночь выдалась теплая, тихая и не темная. Сердце билось тревожно. Он беспокойно вглядывался в ближайшие кусты, оттуда, в любую минуту могли подкрасться лазутчики, хотя на ночь усилен наряд часовых. Вдруг Алексей заметил, как на кустике, ольхи вздрогнули ветки. Он толкнул локтем под бок друга сидящего рядом. Тот мигом подскочил и спросонку испуганно крикнул:

— Что?.. Что?.. Г-г-де они?..

— Тише ты, — цыкнул на него Алексей.

Неужели они осмелятся напасть на нас, когда кругом усиленная охрана? — вопросительно посмотрел, потягиваясь и позевывая Василий на друга.

— Приглядишься хорошенько вот к этому кусту что слева у самого колодца. — Я уверен, что кто-то там прячется, — тихо проговорил Алексей.

Оба замерли притаив дыхание. Но время шло и ничего подозрительного.

— Тебе просто показалось, — с легкой иронией заключил Василий.

— Вот-вот опять шевельнулся куст.

Но Василий начал укладываться спать, пристраивая под голову противогаз.

Вдруг в небо взвилась ракета. Она ярко осветила все вокруг и погасла над железобетонным колодецем. Алексей чуть-чуть вздремнул на рассвете. Когда совсем стало светло, он пошел проверить — не оставил ли кто следов. По форме вмятин он определил, что за кустом пряталось два человека. К кусту от колодца тянулось две полосы примятой травы. Видимо здесь кто-то полз по-пластунски. На площадке, покрытой щебенкой, след терялся. Он подозвал Василия и указал рукою на примятую траву. Тот все понял: внезапно побледнев, виновато пробормотал:

— Ты был прав, Алексей, они были здесь, но их вспугнула ракета.

— Скорее всего их остановил твой спросонья испуганный вскрик, — твердо и уверенно заключил Алексей.

— Прости, друг, за мою беспечность... Больше этого не повторится.

— Хорош гусь, храпел всю ночь. — Добрались бы они до нас, если бы мы оба уснули. Они знают где у человека расположено сердце. Захлебнулись бы мы с тобой своей собственной кровью.

— А часовые для чего?..

— Тех ребят тоже охраняли часовые.

— Еще раз прости, Алексей, следующую ночь будем дежурить по очереди, — и его добродушное продолговатое лицо стало задумчивым и сосредоточенным.

Сержанты уселись на выступившее из земли бетонированное кольцо колодца. Василий, свертывая сигарку, случайно уронил в колодец клочок газеты. Алексей не курил, он то и дело позевывая, задумчиво смотрел на дно колодца, где как в зеркале отражалось светло-голубое небо. Перед его взором оказалась медленно падающая бумажка. Она внезапно скрылась в бетонированной стенке колодца.

«Почему она не упала на воду?» — уди ялся Алексей.

— Василь, брось-ка бумажку в колодец, а я наблюдаю за ней.

— Никак о детстве вспомнил, — усмехнулся Василий. — Я тоже когда-то этим спортом увлекался. И оторвав от газеты клочок опустил в колодец.

— Полюбуйся!.. Бумажка не упала на воду... Что бы это значило?.. — серьезно и задумчиво произнес Алексей.

Они начали бросать в колодец бумажку за бумажкой и те, покружившись в воздухе, скрывались в одной из стенок колодца.

— Что-то здесь непонятное, — покачал головой Василий, — но выяснять что там такое будет потом. Сейчас бы не опоздать на завтрак.

Алексею не хотелось уходить, но дисциплина...

Весь день друзья вели огонь из орудий по японским позициям и лишь к вечеру освободились от трудов военного дня.

По скобам, вделанным в железобетон, Алексей начал спускаться в колодец и сразу определил по слегка отшлифованным скобам, что сюда спускались уже не раз. Он спускаясь внимательно изучал стенку у которой терялись бумажки. Вдруг он увидел замаскированный под серый цвет бетона квадратный люк. На его гладкой поверхности: ни кнопки, ни ручки, ни засова.

«Интересно, как он открывается?» — недоумевал Алексей. Он нажал на него рукою. Тот не шевельнулся. Скорее всего его утром открывали люди изнутри для проветривания подземного убежища. И тогда в люк сквозняком затягивало бумажки. Алексей быстро поднялся наверх.

— Ну, что там? — спросил Василий с нетерпением ожидавший друга.

— Люк там есть в стене. — Утром он был открыт и бумажки наши туда улетали. Надо было не торопиться на завтрак и проверить кто там прячется.

— Какой ты храбрец!.. Тебя там ждали на блины!.. Спасибо скажи, что увел тебя вовремя. Лежал бы ты с утра на дне колодца с ножом в сердце. Я сразу догадался где скрываются бумажки. Но не хотел сказать об этом. До войны я был на Кавказе в одном городе и там есть нечто подобное. Революционеры в глубине стены колодца спрятали типографию и на ней печатали свои листовки. Перед тем, как тебе спускаться, я незаметно бросил несколько бумажек в колодец и они упали на воду. Это зна-

чит, что вход там закрыт. А то бы я не разрешил туда лезть. А теперь давай лучше обо всем доложим начальству. Так они и сделали.

— Люк в колодце!!! Вот это открытие?! — Воскликнул командир батареи, капитан Кабанов.

В его прищуренных голубых глазах вспыхнул радостный и лукавый огонек. — Есть возможность избавиться от постоянной смертельной угрозы. Молодцы ребята!.. Сегодня же ночью устроим там засаду. По-моему оттуда они устраивают свои набег. Назначаю вас сержант Скакунов командиром группы захвата. Сержант Мельников и ефрейтор Клюев в вашем подчинении. Послал бы больше людей, но у меня их нет для этой непредвиденной операции. Желательно взять их живьем. Будьте осторожны, ребята, и бдительны. В общем, — подумав добавил он, — действуйте по обстоятельствам и по своему усмотрению.

Замаскировавшись в кустах, все трое сидели напряженно тихо, не смея пошевелиться. В небе плыли редкие облака, между ними выглядывала луна и тогда становилось светлее. В томительном ожидании ночь показалась очень длинной. Ефрейтору Ключеву захотелось курить.

— Никого там нет в колодце этом. Уже бы давно они объявились. Ночь-то наисходе. В-о-он... полоска светлая на небе прорезалась, — вкрадчиво шепчет он. Достает из кармана брюк кисет и хочет свернуть сигарку.

— Отставить курение!.. — грозным шепотом приказывает сержант Скакунов. И только он успел предупредить, как внезапно из колодца выглянул человек, он суетливо повертелся, выглядываясь вглубь кустов и тут же исчез. Все с замиранием сердца ждали: появится ли он снова?.. Каждому из сидевших в засаде подумалось, что все на этом и кончилось. Почему он так быстро скрылся?.. Наверное заметил что-то. Минуты тянулись долго. И вдруг из колодца вынырнула голова. Человек легко и быстро выпрыгнул. Он был высок ростом, ловок в движениях. На голове легкая вязаная шапочка, на плечах маскхалат, на ногах кожаная обувь без каблучков. Специально приготовленная одежда служила для того, чтобы бесшумно, незаметно, и внезапно подкрасться к намеченной жертве. Он распахнул полы халата, видимо проверяя свое снаряжение и сидевшие в засаде увидели вокруг его тонкой

тали на ремне в чехлах множество ножей. Следом за ним выскочил второй, одет как и первый, только ростом чуть пониже. Никто не знал сколько их там в колодце. «Но если их всего двое, то они как и в прошлую ночь, начнут от кустов подкрадываться к нашим траншеям. И тут мы их окружим и схватим живьем», — так рассчитывал сержант Скакунов. Однако все произошло иначе. Диверсанты с секунду задержались у колодца, выглядываясь в кусты. Вдруг один, который поменьше ростом, что-то крикнул по-японски. Оба с кошачьей ловкостью метнулись к ближайшему доту.

«Значит обнаружили нас», — смекнул сержант Скакунов и первый выскочил из засады.

— Стой!!! Стой!!! — громко закричал он.

Но те и не думали останавливаться, вилля натренированными гибкими телами, они успели опередить преследователей шагов на двадцать пять. Ефрейтор Клюев успел выстрелить из винтовки, но промахнулся. Высокий диверсант повернувшись назад взмахнул рукой. Сержант Мельников получил тупой удар в левую часть груди. Но боли он не почувствовал. Его спасла от смертельного удара, металлическая коробочка с фотографией невесты находившаяся в кармане гимнастерки.

Намеченный сержантом план захвата бандитов в «колодце» не удался. Они заскочили в дот, но не успели закрыть за собой тяжелые двери. Этим и воспользовался сержант Скакунов. Он подбежал и кинул внутрь дота противотанковую гранату. После мощного взрыва, когда рассеялся дым и осела пыль, при свете электрического фонарика, друзья увидели на бетонированном полу, два изуродованных тела.

— Так-то вот, — с облегчением вздохнув, сказал ефрейтор Клюев. Разрешите теперь закурить, товарищ сержант...

Вот какой гвардеец

Товарищ гвардии младший сержант Осипов! По приказу командира роты сегодня в ночь на 7-е ноября вы в составе почетного караула заступаете на охрану прибывшего пополнения радисток. Они находятся в бывшем мо-

настыре на берегу Буга. Комбат разрешил девушкам с дороги отдохнуть сутки. Вы в ответе за их спокойный сон.

— Вам ясно? — строго спросил старшина.

— Так точно!.. — отрапортовал младший сержант.

Осипов заступил на пост ровно в 24-00. Шел холодный дождь со снегом. С черепичной крыши монастыря ручьями стекала вода. Неторопливыми размеренными шагами ходил гвардеец вокруг объекта, бросая иногда взгляд на разбитые окна. Он хорошо понимал, что в такую ненастную погоду надо быть особенно внимательным.

Еще утром здесь гремел бой. Повсюду разбросана искореженная военная техника, полуобгоревшие танки, артиллерийские повозки, автомашины.

Фронт громыхал удаляясь на запад, давая о себе знать глухой канонадой и огненными всполохами, на фоне которых можно было различить смутные очертания дальних предметов.

Время тянулось медленно. До рези в глазах всматривался Осипов во внезапно наступившую темноту. При очередной вспышке он заметил две пригнувшиеся крадущиеся фигуры.

— Немцы!!! — мелькнуло у него в голове, и он тут же нажал на кнопку зуммерного телефона.

Еще всполох! До приближающихся фигур осталось рукой подать. Медлить было нельзя. Держа автомат на изготовке, гвардеец резко встал и громко крикнул:

— Стой! Не двигаться!!! Хенде хох!

Помощь подоспела своевременно. Немецкие лазутчики были схвачены. Как выяснилось позднее, они имели задание уничтожить радисток.

Утром это известие быстро распространилось среди прибывших. К гвардейцу подходили девушки. Они благодарили его за спасение их жизней. Одна из них, очень красивая, одарив нежным взглядом карих глаз, восторженно воскликнула:

— Так вот вы какой, гвардеец!?!..

И, протянув, руку, представилась:

— Тоня Ермакова.

— Рад знакомству... с такой прелестной девушкой, — пожимая ее маленькую белую ручку, трепетно проговорил Осипов.

А потом шутливо представился:

— Осипов Александр... Сын собственных родителей, появившийся на свет 25 марта 1925 года по собственному желанию... Сапоги ношу 44 размера.

— Я с вами серьезно, а вы чепуху собираете. Службу свою знаете и несете ее отлично... Наверное, за сегодняшней ночной подвиг вас к награде представят. А вот с девушками вести себя не умеете.

— Простите, я вас не хотел обидеть. У меня сейчас нет времени для долгих разговоров. Вечером, если в нашей военной жизни ничего не изменится, давайте встретимся здесь же, у этой землянки.

Тоня опустила свои черные ресницы. На щеках вспыхнул легкий румянец. Чаше забилось сердце.

— Придете? — продолжал настаивать гвардеец, — и, как поется в песне: «Когда вернешься с орденом, тогда поговорим?»

Эта шутка Тоне понравилась и она, мило улыбувшись ответила:

— Приду. А потом с улыбкой добавила: — «Я согласна на медаль! Приду, гвардеец!»

В разведке

Лыжный стрелковый батальон, сделав многокилометровый марш-бросок, скрытно расположился близ деревни Ракуша, в которой сильно укрепленный огневой пункт фашистов мешал продвижению наших основных сил. В разведку отобрали самых бывалых, смелых, ловких, мужественных бойцов.

— С ними попросился радист, высокий черноглазый красавец, г-ардии старшина Семен Кравчук. Комбат, оторвавшись от карты, которую рассматривал под плащ-палаткой при свете карманного фонарика, строго поглядел на него из-под насупленных бровей:

— Могу ли я рисковать радистом?

— Не беспокойтесь. За меня останется старший сержант Скирневский. Я его хорошо подготовил. Отпустите, товарищ капитан, — стоял на своем радист.

Комбат колебался, думая о чем-то своем. Потом махнул рукой.

— Сдайте радио Скирневскому. Но помните, старшина, если он не справится со своими обязанностями, будете отвечать по всей строгости военного времени.

— Слушаюсь! — радостно козырнул Кравчук.

Была полночь. Разведчики в маскхалатах слились с белизной снега, растворились в лесу. Низко стелящийся морозный туман хорошо скрывал смельчаков. Минут через десять они подкрались к ближним домам деревни.

Командир разведки положил руку на плечо радисту и тихо сказал:

— Обследуй во-о-он то строение. Будь осторожен.

Не теряя из вида указанный объект, Кравчук пошел вдоль изгороди из жердей. Вдруг угодил в запорошенную снегом яму. Случилось непоправимое: сломалась одна лыжа, на другой порвалось крепление. Кравчук в отчаянии: что теперь делать?

— Не на кого обижаться. Сам напросился! — негромко выругался он. Попал в ловушку.

Разведчик кое-как выбрался из ямы. Проваливаясь в снег, старшина ползком добрался до длинного сарая. Прислушался: тишина. Обошел вокруг постройки — никого. Заглянул в дверный проем — пусто.

Туман поредел. Из-за туч выглянула луна. И тут в небо взвилась зеленая ракета. Это товарищи Кравчука сделали свое дело. С громким «ура-а-а!» батальон ворвался в деревню.

Затрещали автоматы, пулеметы, заухали разрывы гранат.

Вдруг на дороге появился автобус. Он набирал скорость.

«Вот так добыча!» — обрадовался старшина, — не упустить бы.

Едва автобус поравнялся с сараем, Кравчук выступил из-за угла, вскинул автомат и дал по кабине и салону длинную очередь. Автобус круто рванулся с дороги, забуксовал в глубоком сугробе. Мотор его, надрывно взревев, заглох. Из автобуса выскочил высоченный немец и кинулся к лесу. Семен нажал на спуск — автомат молчал.

«Уйдет», — вихрем пронеслась в голове тревожная мысль. Забыв сменить диск автомата, старшина кинулся

за убегающим. Незвестный прыгал по-волчьи: так ловко это у него получалось.

Перемахнул через ограду и помчался к полосе леса, темнеющей неподалеку.

«Экий я увальень, — упрекнул себя Семен. — Берзила тоже без лыж, а как быстро улепetyивает. Наверное, спортсмен».

Из леса прозвучал выстрел. Пуля свистнула рядом с головой. Кравчук присел за кустом. Заметил, где вспыхнул огонек. Вспомнил об автомате.

«Не получился из меня разведчик. Кругом сплоховал: лыжи сломал, гонюсь с пустым автоматом за вооруженным фрицем. Другой бы на моем месте не допустил врага до леса», — с горечью думал Семен.

Он перезарядил автомат и на новую вспышку выстрела ответил короткой очередью. Враг затих. Старшина прилег за толстой елью. В широкие голенища валенок набился снег и начал таять. Ногам стало холодно. Нателная рубашка, взмокшая от пота, ледяным компрессом прилипла к телу. Он напряженно всматривался меж деревьев.

Вдруг шевельнулись ветки невысокой сосенки, с них посыпался иней. Кравчук поднял автомат, прицелился и сделал несколько выстрелов. За деревцем послышался стон. Сосенка замоталась, склоняясь набок. Незвестный, взявшись за деревце рукою, приподнялся. Плохо выговаривая слова, простонал:

— Не стре-е-е-ляйт!.. Я есть немецки штаб-офи-ц-и-и-р...

Опасаясь подвоха, Семен осторожно подполз ближе и приказал бросить оружие.

— Не стре-е-е-ляйт! — еще раз простонал немец и положил перед собой на примятый снег пистолет. Сам с поднятыми руками опустился на колени. Видимо, рана не позволила ему стоять.

Старшина поднял вальтер, сунул в карман шинели, обыскал гитлеровца. Под меховой шинелью нашел тяжелый кожаный планшет. В боковом кармане зеленого френча немелодого гитлеровского офицера Кравчук обнаружил скомканные, видно, второпях засунутые листки тонкой бумаги со свастикой.

Небо озарилось красными ракетами, извещающими о

месте сбора батальона. Фашист обмяк, не мог двигаться. Страшина взвалил его на плечи и понес к указанному пункту.

Позже выяснилось, что старшина Крабчук доставил командованию очень ценного языка, с важными секретными документами. В планшете оказались золотые вещи: часы, браслет, кольца.

Из одной деревни

Гвардии старшина Чуринов увидел, как на стоявшего у причала и охранявшего баржу постового, кинулся неизвестный мужчина и нанес ему удар кинжалом.

Старшина, конечно, ничего не успел предпринять. Постовой, не издав ни звука свалился замертво. Лишь раздался громкий стук от выпавшей из рук винтовки, упавшей на дощатый настил пристани.

Убийца прошмыгнул под перила у края настила, прыгнул в лодку стоявшую без привязи у причала, и схватился за весло.

Гвардейцы мигом оказались у причала. Старшина Чуринов в одно мгновение поднял винтовку, лежавшую у ног погибшего, передернул затвором, намереваясь дослать патрон в патронник, но в магазинной коробке было пусто. «Эх! Вот к чему приводит нерадивость: стоял на посту с незаряженной винтовкой, пока ляпал затвором и допустил к себе бандита», — с огорчением подумал старшина. Воспользовавшись подсумком убитого, достал обойму с патронами и зарядил винтовку. На эти приготовления ушли считанные секунды. Вскинув оружие на изготовку, он хотел выстрелить в удалявшегося преступника. Но тут раздался взволнованный голос Осипова:

— Не стреляй в него!.. Надо взять живым!

Убийца успел отплыть метров на сто против течения. Старшина решил показать свое снайперское искусство: ни слова не говоря, быстро прицелился и выстрелил.

Пуля выбила из рук беглеца слабенькое вытесанное из доски весло. Оно, развалившись на части, поплыло по реке.

Осипов знал о меткой стрельбе старшины, но не смог удержаться от восхищения.

— Отличный выстрел! — похвалил он.
— Я специально так сделал, после того, как ты одернул меня, — с гордостью сказал старшина, довольный удачным выстрелом.

Преступник в растерянности сбросил с себя верхнюю одежду и обувь. С зачехленным на поясе кинжалом, с лодки кинулся в воду.

Гвардейцы вскочили в лодку, стоящую у причала, с двумя веслами в ключинах.

Убийца оказался ловким и умелым пловцом. Несмотря на майскую еще холодную после весеннего паводка воду, часто нырял и появлялся не там где его поджидали.

— Его легче убить! — рассердился старшина и его круглое лицо с ямочкой на подбородке побагровело.

— Нельзя, Ваня, — охладил его пыл Осипов. Пусть им займется наше правосудие: Быть может он военный преступник.

— Откуда ты взял? — ища глазами на поверхности воды беглеца и держа наготове в руках винтовку, все еще хмурясь, спросил старшина.

— Не бревна же он собирался таскать из груженой баржи. Не так просто убить человека на посту. Значит есть веская причина.

— Логично, — подумав согласился старшина, — пожалуй, ты прав, будем ловить.

Убийца направился к видневшемуся вдали лесистому берегу.

— Уйдет!? — забеспокоился старшина.

— Куда он денется? День-то погоди какой светлый. Бандит устанет и будет наш, — спокойно сказал Осипов и нажал на весла. И вот уже голова беглеца рядом с лодкой. Он снова нырнул в глубину. Однако пробыл недолго и оказался позади лодки.

— Кончай играть на нервах!.. Мы тебя не тронем! — прокричал Осипов, притормозив лодку, поднимаясь во весь свой высокий рост.

Убийца понимая, что побег не удался, а сил больше нет держаться на воде, уцепился рукою за борт. Осипов помог ему забраться в лодку. Тот лег животом на дно, прикрывая спрятанный под бельем кинжал и незаметно взялся рукою за рукоять. Глаза его раскосые, глубоко

посаженные под узким лбом, блеснули недобрым огоньком. Терять ему было нечего. За все злодеяния, совершенные им на Украине, во время войны, все равно приговорят к смерти. Он задумал покончить с этими двумя желторотыми гвардейцами. Так он мысленно про себя их назвал. Справиться бы с высоким, а с тем толстеньким, неловоротливым старшиной и делать нечего. Вон Степку какого на посту уложил, пока он с пустой винтовкой вошел, да и мало ли их уже туда отправил — откуда не возвращаются. Он весь напрягся, словно зверь, и приготовился к прыжку. И вдруг, пружинно подскочив, бросился на Осипова. Увидев блеснувший, обоюдоострый, длинный, направленный в грудь нож, сержант успел увернуться, лишь острый нож слегка зацепил гимнастерку, сбоку разрезал ее. В какую-то долю секунды, он своей сильной рукой схватил за запястье руки нападавшего и резко повернул на бок. Тот вскрикнул, выронил нож. Все это произошло так неожиданно и быстро, что старшина Чуринов не успел вмешаться.

— Этого фашистского изверга надо связать, — скрикнул зубами старшина, — я бы с ним давно расквитался.

Поясным ремнем они с Осиповым скрутили преступнику руки.

— За что ты убил потового? — строго спросил старшина.

— Такого молодого человека, — добавил с сожалением Осипов и покачал головой.

Преступник, сидя на дне лодки, обезвреженный, мокрый, с трясущимися, посиневшими губами понял, что запыряться здесь бесполезно. Желторотые, за его дерзкое нападение, могут поступить с ним как им заблагорассудится. Он еле слышно промямлил:

— О-он уз-з-нал меня...

— Как же он узнал тебя такого заросшего до глаз гориллана? — поинтересовался Осипов.

— Мы с ним из одной деревни, росли вместе, — осмелев признался он.

— И ты убил его, за то, чтоб он тебя не выдал, что ты есть фашистский выродок! — гневно посмотрел на него старшина и замахнулся винтовкой, но не ударил, почитав это ниже своего достоинства.

На пристани уже скопилось много народа. Раздались голоса:

— Это же полицай! Убийца! Сколько он кровушки людской выпил! Отдайте его нам! Мы с ним рассчитаемся!..

ПОГОНЯ

Летчики с воздуха не смогли найти немецкий замаскированный аэродром. Полковой разведке было дано задание: найти аэродром и сообщить авиаторам его координаты.

В пасмурную августовскую ночь шестеро наших разведчиков проникли в тыл врага. Командир их — гвардии младший лейтенант Соколов молод, строен, широкоплеч, в фигуре которого чувствовались ловкость и сила с гвардии сержантом Михайленко — парнем среднего роста, крепким и очень смелым, не раз побывали за линией фронта.

Как-то, возвращаясь ночью из глубокого тыла немцев, они увидели на глухой лесной дороге пять автоцистерн. Тогда они не обратили на них серьезного внимания. Однако в полковом штабе встрече с автоцистернами придали особое значение. Там заключили, что автоцистерны непосредственно связаны с аэродромом.

И теперь группа разведчиков шла на розыски этого скрытого объекта, с которого немецкие «юнкеры» наносят удары с воздуха по нашим наземным войскам.

Командир вел своих разведчиков по заранее намеченному им пути. Они шли друг за другом. Командир слышал за своей спиной учащенное дыхание юной девушки Асирапистки, вперые идущей на боевое задание. Ей нелегко дается каждый шаг. Она старается не отстать от крепких мужчин, натренированных в ночных походах. Хотя она идет налегке. Рацию несет младший сержант Исаков, невысокий светловолосый крепыш. Такелажная упаковка и батарейное питание к радию у Григорьева, сутуловатого худощавого бойца.

Они долго петляли по извилистому берегу небольшой речки. По расчетам младшего лейтенанта, осталось до намеченной цели уже недалеко.

«Надо дать отдых радистке, да и вообще оставить ее под охраной трех автоматчиков, зачем подвергать всех опасности» — думает командир.

Он остановился под разлапистой елью. Подождал, пока подойдут все, и обратился к сержанту Михайленко:

— Вы узнали эту речушку, по берегу которой все время движемся? — Михайленко уже давно определил, что они идут по знакомым местам.

— Да-а! — подтвердил он, — из этой речки я пил воду, когда мы неделю тому назад, с вами возвращались из вражеского тыла.

— Очень хорошо, — сказал командир, убедившись в правильности своего маршрута. Он строго поглядел на окруживших его разведчиков и тихо приказал:

— Если мы с Михайленко через два часа не вернемся — всем остальным все равно продолжать поиск вражеского аэродрома. Старшим назначаю гвардии младшего сержанта Исакова.

При этих словах командира, гвардии младший сержант стал по стойке «смирно».

— Никуда не отлучаться до нашего прихода, затаиться и ждать, — так же тихо сказал командир.

— Есть! Никуда не отлучаться, затаиться и ждать вас, — повторил Исаков.

Все, затаив дыхание, стояли молча, они понимали, на какое опасное задание идут эти смелые люди. У радистки Аси на черных глазах блеснули слезы. Ее веки с пушистыми загнутыми вверх ресницами часто-часто заморгали. Командир на прощание всем кивнул головой. Накинул на голову капюшон плащ-накидки, поправил на шее автомат — тоже сделал и Михайленко, и они оба скрылись в ночи.

От реки волнами наплывал белесый, теплый туман. С темного неба сыпалась холодная изморозь. Пройдя с километр, разведчики вышли на опушку леса. Сюда не проникал туман от реки. В небе плыли клочковатые тучи. Здесь было намного светлее.

— Мне кажется, где-то тут прячется от нас та дорога, на которой мы прошлый раз повстречались с автоцистернами, — прошептал командир. Михайленко ничего не успел сказать в ответ. В лесу послышался рокот моторов. Раз-

ведчики мигом присели за невысоким кустом в сырой траве. Из лога, метрах в десяти от них, вынырнула тяжелая грузовая машина. Следом за ней другая, третья, четвертая, пятая. Михайленко насчитал их десять. Все машины с закрытыми брезентом кузовами. В каждой кабине сидели солдаты с автоматами в руках.

— Наверное, бомбы повезли на аэродром, — злобно прошептал Михайленко.

— Что-то в этом роде, — подтвердил командир и поднялся с земли, когда последняя машина скрылась среди высоких елей за поворотом дороги.

Они устремились следом, но шли по обочине, чтобы случайно не напороться на кого-нибудь. Шли осторожно за каждым шагом, останавливаясь, и прислушиваясь. Вдруг шедший впереди командир замер и сделал знак рукой в сторону от дороги. Взглядевшись, Иван Федорович увидел справа под высокой лохматой елью что-то большое и черное. «Это же самолет», — догадался он. Ишь, как хитро все сделано. Самолет под густыми деревьями, а сверху натянута камуфлированная сетка. Вот почему наши авиаторы не могут с воздуха обнаружить их «мессеры», а они безнаказано бомбят наши позиции. А когда выглянула в разрывах между туч луна, он увидел еще несколько самолетов в разных местах под деревьями. На аэродроме стояла тишина.

«Куда же скрылись те груженные машины? Быть может, здесь у них и подземное бомбохранилище и сейчас машины разгружаются там и им помогает охрана», — так рассудил сержант.

Нужно было срочно уходить, но командир решил уточнить, сколько здесь спрятано у Фашистов самолетов. Они вдоль опушки леса второпях насчитали пятнадцать «мессеров».

Неожиданно послышался лай собак.

— Понятно, — с тревожной ноткой в голосе произнес командир. — Собаки обнаружили наш след. Я задержу их.

Он быстро присел, достал из под плащ-накидки кожаный планшет, вырвал листок бумаги из блокнота, карандашом набросал несколько цифр и хотел передать его сер-

жанту, чтобы тот доставил радистке данные о местонахождении немецкого аэродрома. Но Михайленко не согласился. Он сам назвался задержать погоню. Он не мог поступить иначе. По его понятию командир должен оставаться живым и возглавлять вверенную ему группу разведчиков до конца и выполнить задание командования.

Командир не стал возражать, да времени на это не было. Они по-братски обнялись и распрощались. Неизвестно, придется ли им еще свидеться. Михайленко остался один. Он осмотрел все свое снаряжение, встал за толстое и коряжистое дерево. Сейчас его одолевала единственная и тревожная мысль: за командира. Он готов был отдать свою жизнь, но дать возможность ему добраться до своих. Он стоял так тихо, что слышал в груди биение своего сердца. Вот он уловил слабый шорох в ветвях деревьев и легкое потрескивание сучьев. Всем телом чувствовалось, что враги где-то близко. Но пока он никого не видит. Темно в густом лесу. А тут как назло тучи закрыли все небо. Зашелестел по хвое и листьям деревьев мелкий дождик.

И вдруг на него с грозным рыком бросилась огромная немецкая овчарка. Он отскочил в сторону, и целясь, выстрелил в раскрытую пасть собаки, а сам упал и перекатился за другое дерево. И тут же пули из немецкого автомата впились в дерево, за которым он только что стоял. Он увидел рядом за деревом притаившегося немца.

«Фашист ждет подходящего момента, чтобы сразить меня, пока виден его автомат, прижатый к дереву. Здесь уж кто кого перехитрит», — рассуждал Иван Федорович. Он снял пилотку, надел ее на ствол автомата и выдвинул из-за дерева. Фашист выстрелил из автомата, но и сам высунулся. Этого достаточно для выстрела. Враг громко вскрикнул, уронил автомат. Михайленко короткими перебежками пересек открытую поляну. Он уходил в тыл немцев. Он задумал увести погоню в сторону, противоположную той, куда ушел командир. В него стреляли. Пули свистели то слева, то справа, то над головой. Немцы что-то кричали вдогонку. Он падал, вставал, стрелял по вспышкам выстрелов. Бежал где было возможно, прятался за деревьями, но погоню уводил по ложному пути.

Вот он остановился передохнуть, прислушался. Кажется, преследователи притормозили, притихли их беспорядоч-

ная стрельба. Немцы собак на него больше не натравляли, видимо, убитая овчарка дорого им обошлась. По времени командир уже должен быть у своих, а это самое главное. Он выполнил свою задачу. Он задержал и отвлек немцев и они потеряли его из вида. Теперь можно и повернуть в свою сторону. Так он и сделал. Еще раз остановился, послушал и убедился, что погони за ним нет. Спустился с лесистого холма в неглубокий заросший кустарником лог. Услышал легкий и приятный шум воды знакомой реки, и он решил идти по воде, чтобы не оставить своих следов, если немцы задумают опять пустить по следу собак. И вот он у заветной ели.

За него очень переживали разведчики. Исаков, Ася, Григорьев настаивали идти на выручку. «Надо спасти Ивана Федоровича, — в один голос твердили они. — Задание, считай мы выполнили. Нашим в штабе уже известно, где спрятан у немцев аэродром».

Но идти на выручку сержанта им не пришлось. Он неожиданно вышел из приречных камышей. Весь до ниточки вымокший, потный, но веселый, радостный и довольный. Командир кинулся обнимать его.

— Как мы рады, что ты вернулся!.. Если бы ты знал, как мы все переживали за тебя!.. От всей души благодарим тебя за смелый, мужественный и благородный поступок.

Ася-радистка, прослезившись от радости, с нежностью поцеловала его в щеку.

Они устремились назад, пока позволяла темнота. Подходя к линии фронта, услышали позади мощные взрывы.

— Что это?.. — все оглянулись.

Командир первый раз за всю напряженную ночь, весело улыбнулся. Он всех окинул приветливым и добрым, но усталым взглядом и сказал:

— Это наши соколы ночные бомбят тот немецкий аэродром, который мы с вами разыскали...

Чрезвычайное происшествие

— Гвардии младший сержант Осипов! Гвардии сержант Жабота! Оба гвардейца вскачили с деревянных скамеек, стоявших вдоль стены полуразрушенного здания.

Сержанты вытянулись по стойке «мирно» перед командиром роты гвардии старшим лейтенантом Гупало. С минуту любовался ими командир, прохаживаясь взад-вперед. На его глазах выросли эти парни: высокие, сильные, красивые, смелые. Особенно выделялась фигура Саши Осипова: с широкой выпуклой грудью, пышущая отвагой и силой, с мускулистыми крепкими руками.

— Вам предстоит выполнить боевое задание... Доставить секретный пакет в штаб армии. О том, какая ложится на вас ответственность, сами знаете... Не первый день в армии. С начала 43-го всего испытали. Хотя война и закончилась, но бдительность у вас не должна притупляться, — строго напутствовал командир.

Ребята без приключений доставили пакет в штаб армии. Им вручили другой, адресованный в штаб их дивизии. Гвардейцы следовали в обратный путь.

Вокзал гудел, как пчелиный улей. Ни к одной из касс нельзя было приблизиться. Осипов все же решил обратиться к воинской кассе. Ему удалось добраться почти до окошечка. Вдруг он ощутил под сапогом левой ноги какой-то предмет. Присел и поднял большой тяжелый кошелек.

— Товарищи!.. Чей кошелек? Кто потерял?

Несколько человек повернули головы в его сторону. Стоящий у окна плотный мужчина с небритым, помятым лицом, вдруг засуетился, похлопал себя по карманам, растерянно озирнулся и, кинувшись к сержанту, схватил его за руку.

— Потеря моя!.. Давай сюда!.. Надо же, весь свой жизненный заработок потерял, — бормотал он, а сам все норовил вырвать из руки сержанта туго набитый кошелек. Сержант колебался: «Какие могут быть сбережения у такого замызганного неряшливого человека»? — подумал Осипов и раскрыл кошелек. В нем он обнаружил партийный билет, удостоверение на имя майора Тщетного, семейную фотографию. Второе отделение кошелька было набито деньгами крупных купюр.

— Итак, вы утверждаете, что кошелек ваш? — обратился он к нахальному незнакомцу.

— У меня такой же был, — отводя плутоватые глаза в сторону, поняв, что уличен во лжи, неохотно ответил тот.

— Сколько было денег?..

— Пять тысяч.

— Ничего у вас не было, вы просто недостойным путем хотели завладеть чужим добром.

— В чем дело? — подходя, спросил сержант Жабота.

— Богатый кошелек я нашел, Гриша, и тут же хозяин ему нашелся, — с иронией ответил младший сержант и с негодованием посмотрел на самозванца.

Младший сержант тотчас позвонил на радиоузел вокзала и попросил диктора объявить по радио о находке. Вскоре появился и сам хозяин кошелька. Он подбежал к сержанту радостный, растроганный до слез. Повертел в руках кошелек, раскрыл, проверил содержимое... В знак благодарности он крепко обнял Осипова, поцеловал и спросил номер части.

— Для чего вам наша часть?..

— Буду ходатайствовать, чтобы вас поощрили за честный и благородный поступок.

— Не стоит беспокоиться, товарищ майор...

Обернувшись, Осипов увидел того самого нахального субъекта.

«И чего это он следит за нами? — мелькнула внезапная догадка, и тут же он отогнал эту мысль. — Что он может сделать с нами, вооруженными людьми? Но в сердце закралась какая-то непонятная тревога.

Доехав до станции, ребята сошли с поезда. До расположения части оставалось километров восемь. Легкий снежок кружился при слабом морозе. Иногда луна выглядывала в разрывах редких туч. Серебряными сережками сверкал иней на ветвях деревьев и кустов, ютившихся у санной дороги. Прикуривая папиросу, на повороте, Осипов отстал от друга. Сзади показалась подвода. В санях, забитых сеном, ехали трое. Поравнявшись с сержантом, сидящий впереди здоровенный мужчина остановил лошадь.

— Хлопец!.. Прикурить у тебя, случайно, нема?..

— Есть, — нацупав в кармане шинели коробок, Осипов протянул его незнакомцу. Тот неожиданно схватил Осипова за руку и резко потянул на себя. Осипов будто готов был к этому поединку. Реакция сработала четко. Фронтальная жизнь, полная опасностей, приучила его в любой обстановке оказывать действенное сопротивление.

В его сознании пролетела мысль: «Эти недобитые враги хотят погубить его, завладеть оружием, а потом и секретными документами...».

Со всей силы он рванулся назад. Не помогла противнику его сила. Отекочив от саней, сержант в страшной ярости крикнул:

— Р-р-уки вверх!!!

И дал над головами бандитов автоматную очередь. Услышав стрельбу, сержант Жабота подбежал к месту происшествия.

— Кто они такие? — запыхавшись, спросил он.

— Пока не знаю. Но уверен, что не свои. — А потом твердо скомандовал:

— Ну, граждане... слазьте... Приехали... Не вздумайте бежать. Изрешечу!

Один из них в бушлате, плотный, среднего роста с поднятыми руками, старался скрыться за широкие спины друзей.

— Чего прячешься?.. Подойди поближе, — приказал сержант. — Э-э, постой мужичок, где-то я уже тебя видел?.. Саша, погляди-ка... это же наш старый знакомый...

— Точно, — удивился Осипов. — Выходит, ты, братец, «наводчик»... Выследил и со своими друзьями следуешь за мной. — Старый знакомый отвел взгляд от сержанта. А Осипов продолжал:

— Жалеешь, что с кошельком не получилось? Поэтому решил отыграться на мне? А может быть, ты хотел завладеть моим оружием? А зачем тебе оно? Подозрительно.

— Да это же вокзальные крысы... Падалью питаются, — добавил Гриша.

— Нет, что ни говори, — продолжал Осипов, — по желание иметь оружие не случайное. — При обыске у незнакомцев был найден штык от немецкой винтовки и граната Эф-1.

— Я был прав, — подытожил Осипов, — им не хватало нашего оружия.

Взяв автомат на изготовку, Осипов звучно скомандовал:

— А ну, марш в особый отдел!

На следующий день перед строем всего подразделения

гвардии младшему сержанту Осипову и гвардии сержанту Жаботе, за успешное выполнение задания была объявлена благодарность. И конечно же, не только за доставку пакета.

С х в а т к а

Гвардии сержант Харьбин прибыл по вашему приказанию, — четко громовым голосом отрапортовал высокий, могучего сложения парень так, что замигала коптилка, сделанная из гильзы снаряда.

Доложив, сержант встал в сторону от входа в блиндаж, касаясь свежего наката, еще пахнущих смолой, сосновых бревен. Комбат положил на аппарат молчавшую телефонную трубку, поднял на сержанта усталые голубые глаза и печально проговорил:

— Двух связистов посылал на линию и ни один не вернулся. «РБ» разбита, радист тяжело ранен. Иди, сибиряк, в штаб полка, проси подкрепления — сам видишь в каком положении находимся. Если к утру не помогут нам, в живых не останется никого. Передашь об этом полковнику устно.

— Есть передать! — ответил гвардии сержант и повернулся к выходу.

— Подожди, — вдруг остановил его комбат. — Пробирайся оврагом — безопаснее.

— Понял, — кивнул головой сержант и быстро вышел из блиндажа.

Сентябрьская ночь была бы темной, если бы не поминутно взлетающие ракеты на правом фланге батальона. Гитлеровцы усилили огонь из всех видов оружия, стараясь взять поредевший батальон в кольцо. По крутому склону сержант спустился на дно заросшего кустарником и ельником оврага. Провода связи от КП батальона тянулись по оврагу до поворота, а там сворачивали в лес, к штабу полка. Харьбин решил попутно проверить и, если возможно, устранить повреждение на линии. Он нагнулся, поднял провода и стал перебирать их рукою, но чуть не упал, запнувшись за чьи-то ноги, обутые в ботинки с намотанными до колен обмотками. Убитый лежал вниз лицом: по всей вероятности, это был один из посланных ком-

батом связистов с торчащей из спины рукояткой немецкого кинжала.

Рядом два мертвых гитлеровца. Сержант мысленно пожалел однополчанина, погибшего в неожиданной неравной схватке. Здесь же обнаружил перерезанные провода, соединил их и положил на куст, чтобы не касались земли. «А где же второй связист?.. Может, быть тоже погиб или того хуже — попал в плен. Вот тебе и безопаснее идти по оврагу, — вспомнил он напутствующие слова комбата. Как бы самому здесь не угодить в ловушку». — подумал сержант и начал выбираться из оврага. Впереди шевельлся куст.

— Кто здесь? — тихо спросил сержант, надеясь услышать голос своего связиста, — ответа не последовало. Сержант присел, взял автомат на изготовку. Из-за грохота близких разрывов он не услышал, как сзади к нему подкрались, и вот кто-то навалился и схватил руками за шею. Он сбросил врага и очередь из автомата прикончил его. Фашистов бросилось на него сразу трое, стараясь взять живым. Выстрелил в первого, еще одного фашиста успокоил прикладом автомата. Третий оказался сильным, ловким. Сцепившись с немцем врукопашную, они скатились на сырое глинистое дно оврага. Хватали друг друга руками за горло, душили, хрипели. В бессильной ярости фашистский фельдфебель больно укусил сержанта за щеку. Долго бились они, задыхаясь. Дыша винным перегаром, фельдфебель на ломаном русском языке твердил:

— Идем в плен!.. Идем, Иван!

Развязка наступила, когда Харьбин нанес-таки удар по лицу немца. Хлынувшая кровь залила фельдфебелю все лицо. Следующий удар лишил его сознания. Сержант заломил фашисту руки и приволок в штаб полка. Фельдфебель оказался знающим многие военные секреты.

Командир полка послал подкрепление и остатки батальона слились с полком.

На широкой груди гвардии сержанта Харьбина красовалось много правительственных наград за ратные подвиги. Не довелось ему встретить долгожданный день Победы. Сержант Харьбин подорвался на немецкой мине. Мы похоронили его близ церкви села Малая Александровка Киевской области.

Арбуз

Тяжело дыша, Климанов что-то громоздкое нес перед собой.

— Что это? — спросил Осипов, когда тот приблизился.

— Арбуз!.. — с радостной ноткой в голосе отвечает Климанов, кладя перед младшим сержантом большой, округлой формы, полосатый плод, — на весь взвод хватит.

— Какой же это арбуз?! — поглядел на толстую, узловатую плодоножку, загнутую к низу, похожую на ручку, будто специально выросшую для переноски, и невольная улыбка расплылась на юном худощавом лице сержанта.

— Что же это по-твоему такое? — возмущается Климанов, и его продолговатое лицо с большим и длинным носом начинает хмуриться.

«Еще и недоволен, — про себя рассуждает он. — Тут надо прыгать от радости. Арбуз-то самый крупный выбрал. Должен быть самый сладкий. Едва разыскал то место, которое вчера ночью заметил, возвращаясь из разведки. Сегодня сам напросился идти за водой, чтобы накормить ребят арбузом».

— Это самая настоящая тыква, — заключает Осипов.

— Килограммов на тридцать вытянет. У нас в Сибири тыкву в сыром виде свиньи и те не едят.

— Ты-и-и-ква! — передразнил Климанов. Я такого слова сроду не слыхивал. К нам в Москву каждый год привозят такие вот штуки. Когда их ешь, то губы слипаются от сладости. Помню я, те арбузы были помельче.

— У вас в Москве и булочки сдобные, наверно, на березах растут, — усмехнулся Осипов. Взглянув на светящийся циферблат часов, он заторопился. — Из-за твоей самовольной отлучки мы потеряли целых пятнадцать минут. Ребята в траншеях изнывают от жажды без воды. Арбуз свой оставь, чтобы нас не посчитали мародерами.

— Придумал, тоже мне, — пробурчал про себя ефрейтор. — Из хутора давно все жители разбежались. Не фрицам же оставлять этакое добро.

Климанов не бросил свой трофей. Он кос-как тащился, поддерживая одной рукой бак с водой, а другой нес свой тяжелый груз. Он так устал, что едва передвигал ноги. Гимнастерка на нем взмокла от пота.

— Сашок, давай передохнем малость, — наконец взмолился он.

— Хорошо, — согласился Осипов, — и заодно ты попробуешь свой арбуз, чтобы не тащить его зря до расположения взвода.

Сняв с себя автоматы, они присели на бугорке у дороги. Прислонившись спиной к баку, Климанов с минуту учащенно глотал ночной, прохладный степной воздух с ароматами вездесущих трав. Затем он достал складной ножик из кармана брюк, прикрепленный к самодельной медной цепочке, и только хотел вырезать из плода кусочек для пробы, как над ними повисла ракета. Вслед за ней затрещал немецкий автомат. Оба кинулись в придорожную канаву. Осипов определил, где вспыхивают огоньки выстрелов, и хотел подсказать Климанову, куда направить огонь автомата, но тот и сам уже догадался, откуда летят пули. Они одновременно ударили из автоматов по черепичной крыше одной из хат.

Через несколько минут автомат на крыше замолчал. Подождав немного, они решили продолжать свой путь. Взявшись за ручку бака, Осипов увидел два пулевых отверстия под самой его крышкой. Вода уже вытекла до уровня отверстий. Он вспомнил: когда Климанов на вкус хотел проверить, то сидел спиной к баку. В тот момент над ними пролетела целая серия пуль. Две из них, впившись в металлический, массивный, наполненный водой бак, не смогли пробить его насквозь. Выходит, бак спас ефрейтору Климанову жизнь. Осипов показал Климанову две дырочки на баке, в верхней его части. Тот побледнел...

...Бойцы, бак с водой! Один из них обнаружил «арбуз» Климанова, лежавший в стороне.

— Гвардейцы, сюда! — таинственным шепотом позвал он, — поглядите, что раздобыли. Арбуз!.. Какое чудо?!

«Неужели я ошибся? — подумал Осипов, — быть может, выращен новый вид. И я зря напал на Климанова, перед которым придется оправдываться и краснеть за свое невежество».

У одного из бойцов в руке блеснул нож. Он присел на корточки, вырезал кусок желтоватой мякоти, с наслаждением отправил в рот и тут же выплюнул с отворачиванием.

— Какая дрянь! — заключил он.

— Ну-ка, дай мне попробовать, — попросил другой боец, снимая каску и присаживаясь рядом. Он отрезал маленький кусочек, и, взяв на зубы, сразу определил:

— Это же тыква, — засмеялся он. — У нас ее вареную или печеную едят, да и то с разной приправой. Над Климановым подтрунивали всю дорогу.

— Известно, москвич, что с него возьмешь?..

Не проверив брода — не кидайся в воду

В воскресный июньский день командир батальона гвардии майор Тыртычный неторопливо прошелся перед строем боевых гвардейцев. Остановившись посредине, он вскинул свою большую кудрявую голову и стал всматриваться в напряженные лица бойцов и младших командиров.

«Неужели среди них не найдется несколько человек подходящих для рыбной ловли?.. Должны быть»... — рассуждал комбат. И вдруг с каким-то восторженно-радостным оттенком в голосе проговорил:

— Есть такая возможность сегодня накормить батальон свежей рыбой.

Гвардейцы облегченно вздохнули: многие считали: раз вышли на общее построение, то кто-нибудь будет наказан за нарушение дисциплины в приказном порядке. Но майор продолжал:

— Я прошу выйти из строя тех, кто хоть мало-мальски знаком с рыболовным делом. Строй гвардейцев вмиг задвигался, из него чеканя шаг вышли десять человек. Среди них особенно выделялась высокая и стройная фигура гвардии сержанта Осипова. Майор сразу же обратил на него свое внимание: он знал сержанта, как смелого воина и как исполнительного младшего командира во время войны. Еще раз окинув его цепким взглядом, тут же назначил командиром группы добровольцев-рыболовов. Видя довольное лицо сержанта, майор с отеческой улыбкой похлопал его по плечу и сказал:

— Надеюсь справитесь с новыми и мирными обязанностями.

— Так точно! — весело козырнул сержант, радуясь предстоящей рыбалке.

Вскоре подошла машина. Гвардейцы быстро погрузили в кузов пустые бочки для рыбы, лодку, больших размеров невод, с крупными ячеями.

Сидя в машине, сержант Осипов вспомнил о родной деревне, об отчем доме, о беззаботном детстве. Он очень любит сибирскую природу. Много времени проводил в лесу, у воды и на воде. Вспомнил о старшем брате, с которым часто в жаркое время, летом ловили бреднем рыбу. С каким нетерпением бывало он ожидал конца занятий в школе, чтобы накопив червей, бежать с удочкой к реке. Позже, когда повзрослел, то с деревенскими парнями они создали рыболовецкую бригаду. Ловили неводом рыбу и сдавали ее. Как давно это было и как будто недавно. Воспоминание о тех днях всегда наводит на грустные размышления и щемящую тоску, о том счастливом времени, прекрасном, невозвратном, неповторимом.

Решили лодить рыбу ниже вновь отстроенного моста. Здесь на повороте, вдоль крутого берега реки, тянулся с километр широкий и глубокий плес. В нем по всем рыбацким приметам должна водиться крупная рыба.

Когда бывшие фронтовики на первую тоню ставили невод — приехал и сам организатор рыбацкой затеи, командир батальона.

Солнце грело жарко, но от реки тянуло приятной прохладой. У всех рыбаков было приподнятое веселое настроение. Майор разделся по пояс, обнажив бронзовую от загара широкую грудь, с глубокими шрамами от осколков. Он подошел к реке полюбоваться, как ловко орудуя на воде энергичные здоровые парни. В это время Осипов увидел, что не хватает бечевы до берега, от правого крыла невода. Он быстро снял с себя гимнастерку, сапоги и брюки. Прихватив с собой моток веревки, разогнувшись, показывая свою удачу, нырнул с берега в глубину.

И вдруг... что это?! — левый бок его будто огнем обожгло... Не обращая внимания на жгучую боль, он доплыл до лодки, передал ребятам моток веревки. Плывая назад, он заметил слева от себя в прозрачной воде красную полосу. «Это же кровь», — вдруг догадался он. На берегу он увидел у себя на левом боку кровоточащую рану. Майор тут же оказал ему первую помощь.

— Откуда это у вас?! — бинтуя рану спросил он строго.

— Я и сам не пойму, — недоумевая пожал плечами сержант.

— А вот мы сейчас во всем разберемся, — сказал майор сердитым голосом и направился к тому месту, откуда сержант совершил свой прыжок в воду. Майор долго ходил по берегу и вглядывался в воду. Вдруг он увидел нечто такое, от чего невольно схватился руками за голову. Там в глубине виднелась сломанная свая, со вбитой с боку ржавой скобой, конец которой был разогнут и с зазубринами, острым жалом направлен кверху.

— Посмотри-ка, сержант, сюда, где могла быть твоя смерть, страшная и мучительная. Взял бы ты чуть левее, сантиметров на пять — и все... Даже тело нелегко было бы снять с зарубин на скобе. Вот, так-то гвардии сержант Осипов, учти в дальнейшем и другим закажи, что не проверив брода — не кидайся в воду!..

Осипов, глядя на острую стрелу, направленную, как бы в его сердце и сам содрогнулся от страха. Действительно если бы чуть левее, так и остался бы с пронзенной насквозь грудью этим страшным орудием. Пройти сквозь стонь войны, остаться живым и тут так глупо мог погибнуть... Он в ужасе отпрянул от берега.

Майор приказал вырвать из сваи скобу, чтоб кто-нибудь еще на нее не напоролся. И в дополнение, чтобы слышали все громко сказал:

— Здесь чего доброго и мину можно подцепить... — Война же здесь недавно прошла. И приказал прекратить рыбалку.

Между тем невод вытянули с хорошим уловом.

Загадочное озеро

В конце августа в тихий, безоблачный, предзакатный час, двое охотников с ружьями за плечами вышли из деревни и выбрали путь на Савенково озеро. Один из них высокий, тонкий, кареглазый подросток, лет шестнадцати, с вьющимися каштановыми волосами. Другой лет девятнадцати, коренастый, с круглым лицом, опущенными черными кудрями.

Хотя охотники жили в одной деревне, но мало знали друг о друге. Они долго шли молча. Вдруг Колька, который помоложе, шагая рядом по заросшей травой дорожке, повернул свою давно нестриженную голову в сторону приятеля, угрюмо глядевшего себе под ноги, спросил:

— От чего ты, Ваня, сегодня такой пасмурный?.. — Бредешь угрюмо будто копейку потерял...

Тот косо взглянул в его сторону, поправил ремень на плече, прибавил шаг и еле слышно пробурчал:

— А чему радоваться-то?..

— Как «чему»... На охоту идем!.. — весело и задорно воскликнул Колька. — Плясать надо, а ты плетешься с понуренной головой...

— Тебе то что-о-о?.. — с завистью посмотрел на подростка Иван. — Зелен ты еще... И никакой у тебя нет заботы. А мне есть от чего огорчаться. Все мои сверстники давно на войне, а я один в деревне болтаюсь. Многие в мою сторону пальцем тычут: «Дескать, вот он какой молодой, да здоровый, притворяется больным, от фронта отваливает». Сегодня на току, жена погибшего Егора Савенка при всех у меня чуть сердце из груди не вырвала: «Такой бугай!.. — истерично закричала она, — об лоб можно убить годовалого поросенка, симулирует болезни, чтобы избежать фронта, прячется за мамкиной юбкой. А мой Егорушка сложил головушку»!.. И так она злобно искадила свою рябую рожу, казалось, будто бы я виноват в смерти ее мужа. После ее выступления все колхозники гладели на меня с ядовитым презрением. Разве не обидно мне выслушивать не заслуженные оскорбления. Я бы и рад быть там, где все мои друзья, но меня не берут.

«И правда, почему не берут Ивана в армию? — подумал Колька. Больше всего бракуют из-за зрения». Поглядев внимательно в лицо Ивана, он внезапно обнаружит увеличенный черный зрачок с маленьким белым пятнышком. «Вот наверно из-за чего», — догадался Колька. И для большего убеждения спросил:

— Из-за зрения не берут что ли?..

Иван остановился. Огнем выкрасил огня, раздвинул, прикурив самкрутку, и глубоко, с наслаждением, затянулся несколько раз. Настроение у него вроде бы улучшилось и он уже бодрее ответил:

— И не только из-за зрения, но и из-за слуха. — Я на один глаз — слепой и на одно ухо — глухой... Так сказать: полный инвалид, — и грустно улыбнулся.

С виду ты здоровый, цветущий человек. Лишь приглядевшись можно понять, что у тебя подбитый глаз. Расскажи, как ты потерял его, все быстрее время пройдет. До озера еще далеко — топать и нудно и скучно, — прицепился любознательный Колька.

Иван шел все также с понурой головой. Он понимал, что от неугомонного Кольки не отвяжешься. И согласился поведать ему о глупой и трагической истории с глазом. Хотя ему не очень хотелось об этом вспоминать.

— От тебя я вижу не отвяжешься, — приподняв голову неохотно проговорил Иван. — Придется все же раскрыть тайну покушения на мой глаз. Действительно в молчании время тянется медленно. Он бросил окуроч, на тропинку, придавил его дырявым ботинком и начал:

— Было нам в то время лет по двенадцать. — Мне и Мите Виниченко. Дружили мы с ним крепко. И часто из-за разных пустяков дрались. Жили мы на одной улице по соседству. Раз как-то прибегает он ко мне и говорит: «Давай, Ваня, сделаем луки и займемся охотой на уток». Он вычитал в какой-то книге, как дикари в Африке охотились из луков на зверей и людей, применяя отравленные стрелы, обмокнутые в яд кураре. У нас конечно такого яда не было, да и приготовить его не из чего. То мы решили: для пущей убойной силы применять стрелы с железными наконечниками. Неумело сделали их из жести консервной банки с тупыми концами. Его дед, большой деревенский мастер, по нашей просьбе смастерил два лука, так искусно и красиво, что в пору хоть на выставку. Однако стрелы летели от них недалеко. Ходили мы не раз вот на это самое Савенково озеро на которое мы сейчас с тобой идем. И все напрасно: ни одной утки не убили. Однажды, возвращаясь с охоты, Митка напал на меня за то, что я якобы распугал на озере всех уток. Мы обашибко распетушились и сразу на дуэль. У самой дороги стояли копны сена. Мы из-за копен начали целиться друг в друга. Каждый старался спустить стрелу первым. Выстрелили одновременно он мне попал в правый глаз, а я ему в ухо. После этого глупого поединка, меня долго лечи-

ли в больнице. Но ничего не могли добиться: остался я слепым на правый глаз. Так закончил свой печальный рассказ Иван и его полное лицо сделалось совсем мрачным.

— Во-от это номер выкинули, шельмецы!?! — присвистнул Колька ошеломленный ужасным рассказом. — Ну, а у Митьки, как обошлось с ухом?

— Пустяки... Я ему мочку уха стрелой задел. Синяком Митька отделался, — горько усмехнулся Иван.

— Молодец дед! — похвалил Колька искусного мастера, — видимо предусмотрел и специально сделал вам слабые луки, а вы по неумению своему, тупые стрелы, то ты бы сейчас не шагал со мною на охоту.

— Все это могло быть так, — согласился Иван, — но дуэль могла и не состояться, если бы мы были поумнее и на месте во всем разобрались. Тогда на озере произошло непонятное явление: в тихий вечерний час, вмиг зашумело, затрепало, вихрем закрутило камыш. Утки испугались и покинули озеро, а Митька не разобравшись обвинил меня. После я на озере ни разу не был и сейчас мне туда идти не хочется. Как вспомню про тот кошмар: даже жутко становится хоть я уже взрослый.

— Чепуха!.. — возразил Колька, — тебе просто тогда померещилось.

Охотники задумали застать уток врасплох: они подкрались к озеру бесшумно. Однако уток поблизости не оказалось.

По своим размерам озеро небольшое, но глубокое. С левой стороны, откуда они подползли, тянулся к воде низкий болотистый берег. От него метров на сто выделялась чистейшая, без единой морщинки, гладь воды. Дальше виднелся маленький остров. На нем плотной стеной возвышался камыш. В промежутках, между камышом, тянулись ввысь молодые курчавые березки, еще не сбросившие свой летний наряд.

Из рассказов очевидцев Колька знал, что этот остров состоящий из торфа и спрессованного озерного хлама, скрепленный корнями растений, легко передвигается по озеру и появляется то в одном, то в другом месте. «Конечно по озеру его гоняет ветер, а парусами служат пышные, высокие березки и густой камыш, сейчас безветрие и он стоит, как на якоре», — рассуждал Колька сооружая скрадок.

Его приятель уже успел замаскироваться под густыми

ветками тальника. Охотники еще в пути договорились: дабы не мешать друг другу: стрелять только тех уток, которые окажутся в секторе их обзора.

Красное неяркое солнце коснулось холма и быстро скрылось за его лесистой вершиной.

Комары и мошки сплошной массой вились над Колькой, зудили своим жгучим ядом лицо, уши, руки охотника. Не обращая на них внимания, он весь напрягся, вслушиваясь и всматриваясь в небо в ожидании уток.

Вот низко, просвистев крыльями, стая уток, сделав круг, плюхнулась на воду недалеко от охотника. Он немедля выстрелил и убил одну большую крякву. И решил не доставать ее до ухода домой, чтобы не распугать летающих над озером уток.

У северной части озера, там где притаился Иван, заметно потемнело. Оттуда низко, стелясь над водой, появился пепельно-серый туман.

Утки часто садились на воду вблизи Ивана, но тот почему-то не стрелял. «Из-за тумана не видит он уток», — смекнул Колька.

Вдруг на воде появились волны. Все на озере пришло в движение: закачались на островке березки, зашевелился камыш. Волны поднялись выше и начали плескаться, ударяясь о берега, брызги взметнулись вверх. Появился шум напоминающий гул водопада. Вихрем начало скручивать камыш. Испуганно закрикали утки, поднимаясь со всех уголков взбудораженного водоема.

Перепрыгивая через кочки, с бледным искаженным лицом, с открытым ртом, что-то громко крича, пробежал Иван в стороне от Кольки.

Сердце у юного охотника испуганно заколотилось, он кинулся вслед за Иваном, позабыв и про убитую утку.

Догнал он Ивана лишь у самой деревни.

— Ты, ты-ты трус!.. Товарища своего одного бросил!.. — сдерживая учащенное дыхание от быстрого бега и волнения, с пренебрежением повышая голос, выпалил Колька.

Растерянный, перепуганный Иван, с мокрым от пота лицом, с трясущимися посиневшими губами кое-как пролепетал:

— П-п-про-о-сти м-м-е-ме-ня Коль-к-к-ка, совсем меня из памяти вышибло!.. — Тут и про мать свою родную по-

забудешь!.. Ты бы видел, как там около меня все закрутило: вода в озере клокотала будто в огромном кипящем котле. Какие-то корни черные, большущие, похожие на медвежьи лапы с кривыми длинными когтями начало со дна выворачивать. Аж волосы у меня на голове дыбом поднялись. На что уж я наполовину глухой и слепой и то все слышал и видел, что там такое страшное творилось. Видимо там все это ворочала нечистая сила!.. Отбежал я всего шагов сорок и сразу тишь и благодать. Как не хотелось мне сегодня идти на это проклятое озеро. Вот тебе и «померещилось» передразнил он Кольку. Ты понял хоть, что там такое происходило? — вдруг с дружеской ноткой в голосе обратился к Кольке Иван.

Тот лишь недоуменно пожал плечами.

— То-то, ничего ты еще не смыслишь, зелен совсем.

Он повернул голову и со страхом поглядывая в сторону озера, рукавом старого пиджака смахнул струившийся грязный пот с лица, дребезжащим трусливым голосом пролизнес:

— Больше меня туда и под страхом смертной казни не загонишь...

СКАЗКИ

Разбогател в одно мгновение...

Жили-были два соседа. Один очень богатый. Другой очень бедный. У богатого была единственная дочь-красавица. У бедного — единственный сын-богатырь. Молодые люди крепко полюбили друг друга. Узнав об этом богач Артем строго запретил своей дочери встречаться с бедняком Кузьмой.

— Если еще хоть раз увижу тебя с этим лапотником, то учти: не погляжу, что ты у меня единственная. — Я навсегда выпровожу тебя из своего дома!.. — сказал он гневно и грозно топнул ногой.

Но красавица Ирина, несмотря на строгое запрещение отца, продолжала встречаться с Кузьмой. Он предложил ей бежать от разгневанного отца куда-нибудь подальше из деревни и устроить с ним свою семейную жизнь. Но Ирина не могла оставить любимую мать, заботливую, больную, старую женщину.

Богатый и жадный мужик Артем терпеть не мог бедняка соседа и готов был растерзать его вместе с его семейством. И все из-за Кузьмы, который хочет унаследовать его богатство и поэтому закрутил его дочери голову. Сколько сваталось из города знатных и богатых женихов, но Ирина и смотреть на них не хотела.

Как-то шел ночью Артем по деревне, подвыпивший, и думал, чтобы такое гадкое сделать Игнату. И вдруг он увидел мертвую собаку валявшуюся в придорожной канаве.

«Вот и достойный подарок для Игната», — обрадовался Артем. Брошу я ему эту падаль в окно. Пусть они с Дарьей понюхают чем она пахнет. Пока Кузьмы нет дома. Уехал он вчера в город на заработки. Сейчас самое подходящее время. Иначе Кузьма-силач и голову может открутить за эту проделку».

Артем одел на руки перчатки, взял за ноги собаку и еле-еле поднял ее.

— Ух ты, какая тяжелая!.. — проворчал: он перелезал через низенький плетень палисадника. Он приподнял ее до уровня подоконника и со всей силы ударил по раме. Старая полуизгнившая рама, разлетелась вдребезги! Собачья туша грохнулась на стол, стоявший у окна. Артем,

перескочив через плетень, притаился за ним в радостном ожидании предчувствия, такой там должен произойти страшный переполох от его чудовищного подарка. Он не ошибся. Не прошло и минуты, как соскочили с постели перепуганные Игнат и Дарья, что-то истошно крича заматались по комнате.

Артем очень довольный, смеясь весело незаметно скрылся в своем дворе. Супруги кое-как, успокоившись зажгли лучину и удивлению их и восторгу не было конца. Весь некрашенный, бугристый от частого скобления пол с выступившими на плахах сучьями был покрыт слоем дорогих монет. Откуда и кто подбросил им такой богатый дар они и понять не могли. Сначала Игнат поднял с пола большую изорванную собачью шкуру и выбросил через сконный проем в палисадник. Они мигом заделали старой дерюгой дыру в оконном проеме. Потом начали считать деньги. И конечно же до утра им хватило этой нелегкой работы. Ибо грамотеи они были никудышные. Утром Игнат запряг свою старую-престарую лошадку и они поехали в город за покупками. Накупили всего чего душе их было угодно. Когда вернулись и переоделись, то и узнать их было трудно. И зажили они, как говорят, припеваючи.

Отгрохал Игнат домище пятистенный с шатровой железной крышей, вместе со всеми надворными постройками. Закупил стадо дойных породистых коров и табун резвых коней. Он стал богаче всех в губернии.

От природы Игнат был добрейший человек. Всем бедным людям своей деревни и за ее пределами помогал, как мог. И добрая молва о нем далеко пошла. Богатство его увеличивалось с каждым днем. Всюду ему оказывали почет и уважение. Стали наезжать крупные чиновники из города. Даже сам Артем начал закивать перед Игнатом. При встрече он снимал с лысеющей головы кожаный картуз и чуть склонял свою кудлатую большую голову. Игнат счень любезно отвечал на его приветствия. Он низко кланялся и добродушно улыбался в свою пышную седую бороду. Артем же теперь непрочь был бы отдать и дочь за Кузьму. Как-то вечером увидел он их вместе у околицы, но виду не подал и про запрет свой строгий забыл. Теперь, когда бывший бедняк стал богаче его, можно и породниться. Но вместе с тем его не покидала злоба и зависть и осо-

бенно недоумение. Как смог Игнат так скоро разбогатеть?! Откуда он зашиб такую огромную деньгу?! Эта мысль сверлила его изворотливый и корыстолюбивый мозг. Не было покоя ни днем, ни ночью. Не прикончил ли Кузьма-силач какого-нибудь проезжего богатого купца??? Проснется Артем ночью и ходит и ходит по комнате. Жена его начинает уговаривать, что он зря держит в голове дурные мысли про соседа. Сколько раз доходило до истерки с ее стороны, она просила и умоляла его отдать дочь за Кузьму.

— Ирочка-то наша, красавица, уже беременная, и пока никто из людей не замечает, надо, как можно скорее, сыграть свадьбу, — она падала на колени и со слезами на глазах, готова была целовать его ноги.

Наконец Артем кое-как согласился.

Поздней осенью, когда был убран урожай и закончены основные хозяйственные работы, Кузьма с Ириной играли свадьбу. Пышная свадьба проходила весело. Звучала музыка. Молодые пели и танцевали. Артем и Игнат подвыпившие сидели обнявшись в кухне и вели душевный разговор на разные деревенские темы.

Вдруг Артем понизил голос до шепота с притворной любезностью, но с иронической ноткой в голосе пристально, вглядываясь в веселое лицо Игната спросил:

— Правда ли говорят, что твой Кузьма-силач придушил одного крупного проезжего купца?!

— Чт-о-о?.. Чт-о-о?.. — Ничего не понял Игнат и его подслеповатые глаза часто, часто заморгали.

— Чего тут непонятно!.. — повысил голос Артем. — Многие считают, что твой богатырь придушил какого-то богатого чиновника. Ты, сват поэтому так быстро вышел в люди. Выходит я свою красавицу дочь выдаю замуж за разбойника.

Больно и глубоко вошли в сердце Игната эти страшные неоправданные слова Артема. На морщинистом выгуклом лбу Игната выступили капельки пота. Худое, побитое оспой, лицо покрылось красными пятнами. С минуту он никак не мог собраться с мыслями. Потом с жаром и достоинством проговорил:

— Мой Кузьма, золотой парень. Прилежный работник,

он один может сделать в любой хозяйственной работе за десяток таких, как ты. Он очень добрый человек и за свою жизнь, даже лягушку не тронул. А ты такое придумал.. Я за своего Кузьму кого хош возьму, а ты свою красавицу Иринку теперь попробуй поводи по рынку! Артем аж весь позеленел, но горькую правду проглотил молча. А Игнат муть успокаиваясь продолжал:

— Вопрос ты передо мною поставил очень серьезный. И в самом деле подозрительно: от чего я так быстро стал богат. Придется выложить все, как было. Кривить душою здесь никак нельзя. Но поверишь ли ты мне или нет, дело твое.

Чтобы окончательно успокоиться, Игнат неспеша достал дорогую заморскую папиросу и закурил. Потом выразительно взглянул на взъерошенного Артема и тихо начал свой рассказ:

— Это случилось в прошлом году, в аккурат в сенокос. Мы в тот день с Дарьей так умаялись и рано спать легли. Вдруг, должно быть в полночь, раздался такой страшный треск и звон, что я спронеся подумал:

«Не разваливается ли наша старая халупа и испугался кабы не придавила». Мы с Дарьей соскачили с топчана и понять ничего не можем. Видим дыру в стене вместо рамы. Стол, который стоял у окна, весь рассыпался на части. Мы долго метались по избе, кое-как нашли лучину, а когда зажгли ее: у меня волосы зашевелились на голове. В углу валялась большущая собачья шкура разодранная. Весь пол блестит, ажно глаза режет. Я поднял с пола один кругляш, а он весь из золота. И на нем я разглядел нашу царицу-матушку. Моя Дарья этими кругляшами успела набить полную пазуху и уже в подол начала собирать, да я не дал.

— Ты-ты-ты, что т-т-акое мелешь?!. — внезапно весь затрясся Артем.

— Так все и было... Я знал, что ты не поверишь, — усмехнулся Игнат. — Но я могу зараз показать тебе кучку этих золотых кругляшей и даже ту собачью шкуру, в которую они были зашиты. Я ее сохранил для таких, как ты неверящих.

— Так вот откуда у тебя такое несметное богатство?!. — злобно заскрипел зубами Артем, взбешенный от не-

поправимой своей ошибки. — Так вот почему та собака была необыкновенно тяжелой?!. А я дурак не догадался, что она была набита драгоценностями. Выходит я сам подбросил тебе богатство, — в лютой злобе на себя громко крикнул Артем, весь взмокший от неожиданного для себя открытия. Вдруг он рукою схватился за сердце, губы у него посинели. Он начал хватать открытым ртом воздух, зашатался на стуле и внезапно грохнулся тяжелой тушей на пол.

Мудрая невестка

Отец запретил сыну жениться на богатой дочери мельника.

— Хорошо знаю весь их род, — сказал он строго глядя на спешившего Степана. — Тебе нужна жена работающая умная, из бедных крестьянок. Такая, какой была твоя мать. Отец убедил сына, что в их селе для него подходящей девушки нет. Ему надо поездить и посмотреть свет. Сын согласился. Отец дал ему денег. Сам запряг лучшую лошадь, и велел ехать по дальним селам, деревням и хуторам.

Одновременно он дал задание сыну: купить трех коров и вместе с тем привезти их же засоленное мясо.

— Как же так?.. — поглядел сын на отца с изумлением. — Пригнать коров живых и одновременно «привезти их же засоленное мясо». Ну и задал же ты, отец, мне задачу...

— Кто решит эту задачу, тот во многом разумеет. Он может стать твоим другом навсегда, — загадочно улыбнулся отец. И еще добавил он:

— Крошки хлеба от своей еды для меня собирай. Дочкой привези все до единой. Да не забудь о пере и о бумаге.

Благословил отец сына в дальнюю дорогу и тот поехал выполнять отцовские поручения. Много он проехал верст. Много где побывал, много чего повидал, но отцовские загадки пока еще никто не отгадал.

Как-то выехал он поздним вечером по лесной дороге

на большую поляну. Видит он в стороне, недалеко от дороги, огоньки мерцают.

«Хутор какой-то, — обрадовался Степан, — быть может переночевать пустят добрые люди». Обычно с ночлегом ему приходилось очень трудно. Незнакомого человека никто не хотел пускать в дом. И ему часто приходилось ночевать под открытым небом.

Он постучал в окно нового, еще не огороженного, дома. На крыльцо вышла девушка.

— Что, вам, угодно? — спросила она приятным вежливым голосом.

— Проезжий я... Переночевать разрешите у вас?..

— Милости просим, — сказала она приветливо.

— А, лошадку где поставить?.. Тут ни кола, ни хлева...

— Вы привяжите ее за лето или за зиму, — засмеялась девушка и ушла в дом.

«Ишь ты, тоже с причудами, как мой отец, — подумал он. Привязать лошадь за «лето» или за «зиму» — это значит: привязать за телегу или за сани, — смекнул он и улыбнулся. Недурно придумано. Задав корм лошади Степан вошел в дом. В прихожей стены и пол блистали чистотой и абсолютной свежестью. В воздухе витал приятный аромат каких-то неизвестных ему трав. В горнице за фигурным столом, при свете восковой свечи, сидела девушка и пряла пряжу. Красота ее его поразила. Ее глаза, цвета весеннего голубого неба, смотрели на него с гордым, но привлекательным достоинством. Волнистые каштановые волосы, заплетенные искусно в косы, свисали с большой головы ниже пояса. Чуть удлиненное лицо, с резко выраженными ямочками на розовых щеках, выражало девичью веселую и невинную беззаботность. Льняная кофточка домашней работы, искусно расшитая цветными узорами, строго облегла ее полную созревшую грудь. Оторвавшись от работы, девушка пристально поглядела на юношу крепкого сложения и задержала свой пылкий взгляд на его загорелом мужественном лице. По выражению ее глаз, он понял, что произвел на нее приятное впечатление.

— Как я определила: вы едете издалека и достаточно проголодались. — Предлагаю вам раздеться и сесть за стол, — сказала она с искренним вниманием и заботой обращаясь к ночному гостю. Он очень обрадовался и не

заставил себя упрашивать. Побить в компании с такой милой и красивой девушкой, каждый на его месте посчитал бы за редчайшее счастье.

Девушка достала из русской печи чугунок ароматных шей, нарезала свежего ржаного хлеба и села вместе с ним за стол.

Они разговорились. Он заинтересовался, где ее родители. И она вновь ответила ему загадкой:

— Родители мои вчера уехали к родственникам. — Если они назад поедут напрямик, то не скоро вернуться, а если в объезд, то к утру будут дома.

— Почему так?.. Если прямо поедут, то не скоро приедут?.. — удивился Степан.

— Потому, что если прямо ехать, то надо ехать через болото, а там дорога никудашняя. — Есть такая поговорка: «Кто прямо ходит — тот дома не ночует».

«Быть может эта умная девушка разгадает и отцовские загадки?», — подумал Степан. Он робко рассказал ей об одном и самом для него трудном отцовском поручении. Девушка выслушала его с большим вниманием и немного подумав, с обворожительной улыбкой проговорила:

— Не так уж и сложное это поручение: вам нужно купить несколько коров с их приплодом. — Телят зарезать и засолить в бочке, привезти соленое мясо и пригнать живых коров домой. Вот и вся задача. Но я считаю эту затею жестокой и неразумной. По-моему телят вместе с буренками нужно живыми доставить домой и ваш батюшка будет очень доволен.

Степану с первого взгляда очень понравилась эта красивая и мудрая девушка и он не сводил с нее влюбленных глаз. Теперь и ему стало ясно и понятно, что поручение не так сложное, как казалось.

— Спасибо вам огромное, — сказал кланяясь ей Степан. — Я желаю знать ваше имя.

— Наташа... — зарделась девушка и тоже поклонилась парню.

— Степан... — покраснев до ушей, сказал парень. — У меня еще есть два нерешенных вопроса. Отец дал наказ: собирать крошки хлеба после каждой моей еды и привезти ему. Зачем они?.. Если мы живем в полном достатке.

— Эта загадка еще проще первой. — Находясь в дол-

той и дальней дороге вы должны быть очень экономны и бережливы. Крошки хлеба вам и самому могут пригодиться, когда придется туго.

— Вполне с вами, Наташенька, я согласен. — И еще он мне предлагал: не расставаться с бумагой и пером. Это наверно для того, чтобы сообщить домой где я нахожусь.

— Отчасти и так, — подумав согласилась она, — но главное по-моему в ведении дорожного дневника и ваших ежедневных расходов.

— Вы правы... Мой отец бережлив и экономен во всем и от меня того же требует. Я вполне согласен с вашими доводами. Отец на прощание сказал: «Кто разгадает его загадки, тот очень большого уважения достоин». Вы меня крепко выручили... И я полюбил вас!.. Я предлагаю вам свою руку и сердце!

Брови черные у Наташи вздрогнули взволнованно, красивое лицо покрылось ярким румянцем. И она прошептала:

— Приезжайте свататься, только со своим отцом.

Вскоре Наташа вышла замуж за Степана.

Старый, мудрый свекр долго приглядывался к молодой работающей невестке. И однажды, хитро улыбаясь беззубым ртом, он преподносит ей горсточку льна и говорит:

— Сотки-ка мне, милейшая доченька, памятное полотенце. Приняв от свекра шелковистые волокна льна, и держав их в руке, она усмехнулась и вернула их назад. Принесла от веника несколько прутьев и, низко поклонившись, подала их свекру.

— Милейший мой, премудрый отец, сделайте мне из этих прутьев ткацкий станок, тогда я вам из этого клочка льна сотку полотенце.

Старик посмотрел на умную невестку с большим уважением, достал из-за пазухи связку ключей и сказал:

— С этого дня я доверяю тебе, доченька, ключи от всего нашего добра.

Приключения в тайге

(рассказ)

Дорогу нашим мотоциклам преграждает болотистый глубокий лог. Мы ставим их в густом ельнике, берем все необходимое с собой и по вырубленной деляне идем в глубь тайги. В середине сентября сильным ветром с кедров сбило часть созревших шишек. Их-то мы и решили пособирать. На пути попадаются завалы бурелома, пробираться вперед мешают густые заросли ельника, с острыми сухими сучьями. Они цепляются за одежду, будто волочая проволока. На прогалинах, куда заглядывает солнце, трава скрывает нас с головой. С высоких дягилей, черноголовника, крапивы, пырея скатывается холодная утренняя роса. Вода попадает в сапоги, при каждом шаге пищит и чавкает. Постепенно углубляемся в тайгу. Сюда уже не заглядывает солнце. Здесь стоит дымчатый полумрак. Тянутся ввысь прямоствольные, почти до самых вершин без сучьев, пихты, ели, кедры. С них гирляндами свисают светло-серые лишайники. Под кедрами, вперемежку с желтой хвоей, мягким ковром стелется мох. Утопая во мшистом ковре, всюду лежат шишки. Их много. Некоторые погрызены с боков белками, бурундуками, мышами или выщелканы кедровками.

— Эх, — вздыхает Сидорыч, — экое добро пропадает. Собирайте все подряд. Я их очищу.

Из сухой рябины он делает два валька наподобие тех, которыми в старину бабы утюжили белье. Мы с Павлычем занялись сбором шишек. Сидорыч своим первобытным способом не успевает выщелушивать собранные нами шишки. Около него их уже большая куча. Между тем пора возвращаться к месту стоянки. Темнеет в тайге быстро. Ориентироваться в темноте мне не приходилось. Я напоминаю об этом своим друзьям. Иван Павлыч, лысеющий мужчина, плотного сложения, со смуглым лицом, на кривых, но крепких ногах, никогда не знающий усталости, первый возражает:

— Что-о?.. По звездам не найдем дорогу?.. Пустяки!.. Найдем. А то завтра суббота, понаедут сюда, соберут все шишки.

— Правильно, Ваня, — сняв очки и уставясь на него голубыми, близорукими глазами, поддерживает Сидорыч. Мне самому хотелось как можно больше собрать ореха, и я соглашаюсь остаться.

— Пусть будет по-вашему, — усмехнулся я, — но потом не пеняйте на меня, коль заблудимся. Я не впервые в тайге и то не берусь без компаса ночью здесь путешествовать. А вас вокруг трех берез обведи и вы заблудитесь.

— Посмотрим, — обиженно произносит Сидорыч и липкими от смолы руками еще усерднее принимается утюжить вальком шишки.

Скоро начало темнеть, из лога наползает туман.

— Итак путешественники, куда изволите поворачивать? — спросил я, поправляя на плечах мешок с орехами.

— По-моему нам надо вон туда, — машет рукой Павлыч в противоположную той стороне, куда я наметил путь. Сидорыч с минуту молчит, глядит вокруг и растерянно разводит руками.

— Ну и ну!.. Давно ли доказывали, что дорогу найдете по звездам. Особенно ты усердствовал, Иван Палыч. Укажи хотя бы одну из звезд Большой Медведицы. Не найдешь и не старайся. Неба над нами с пяточок, да и тот уже в тумане. Ну, а если определишь, где север, то я все орехи свои тебе отдам.

— Сейчас попробую, — уже неуверенно заявляет он. Несколько раз обходит вокруг кедра, запинается за развилыстые корни, выступавшие над поверхностью замшелой земли, ощупывает кору рукой, смотрит вверх и, чаконец, сердито бурчит:

— В такой-то темноте легче глаз на сучке оставить или ногу между коряг.

— Лучше переночуем здесь, а утром все станет на свои места, — предлагаю я.

— Мне нельзя оставаться. «Урал» у меня новенький, еще чего доброго, угонит кто-нибудь. Будут мне тогда шишки!.. — угрюмо говорит Иван Павлыч.

— Укусить нечего, да и воды ни глотка. Нам надо как-то выбираться из этих дебрей. Холера их поберет! — заключает Сидорыч.

До нашей стоянки километров 9—10. Заметив где за-

катилось солнце, я беру примерное направление. Мы составляем целый ворох неошелушенных паданцев, закуриваем на дорогу и гуськом идем в темноту. Идти невозможно. Все время я натываюсь на сваленные с корнями деревья, их приходится обходить ощупью. Мысленно ругаю самого себя за то, что остался в тайге до темноты. Вдруг я падаю, больно ударяюсь коленом об колодину. Моему терпению приходит конец.

— Мы основательно заблудились, — заявляю я. — Остаемся здесь.

Друзья мои молча соглашаются со мной. Мы кое-как устраиваем постель из пихтовых веток, под головы кладем мешки с орехами и крепко засыпаем.

Я просыпаюсь раньше всех. Наступает рассвет. Туман поредел. Со вчерашнего дня воды у нас не осталось. Во рту пересохло. Разыскиваю фляжку, отвинчиваю пробку, в надежде хоть каплей смочить пересохший язык, но увыв, в ней пусто. Мое пробуждение не из приятных.

Куда нас занесло?.. В какую сторону идти?.. Где добыть воды?.. Взглянул на часы: полседьмого. Встаю, оглядываюсь: все та же тайга, лишь слегка поредевшая, да вместо сплошного кедровника больше пихт, елей. Недалеке небольшая полянка, заросшая камышом и осокой. Я шагаю по ней. Под ногами чувствуется мягкая, влажная почва. Делаю лопатку из упавшей рябины. Выкапываю ямку. Она тут же наполняется вонючей ржаво-маслянистой жижей. Решаю идти дальше. Впереди, среди островков рыжего мха да обросших осокой кочек поблескивает, приманивает к себе оконце воды. В голове мелькает радостная мысль: «Теперь то я напьюсь вдоволь, да и для друзей наберу фляжку». Осторожно шагаю по кочкам. Они качаются, уходят из-под ног. Не меня подгоняет нестерпимая жажда. До заветной лужицы остается десять—двенадцать шагов. Я неожиданно теряю равновесие. Правая нога соскальзывает с кочки. Медленно падаю в маслянистую жижу. Все тело пронизывает дрожь. Стараюсь вырваться из жутких объятий трясины. Но рассказ старого охотника вспыхивает в моем воспаленном мозгу. Это на секунду парализует мою волю: «Не попал ли я в Карачаговское болото, в котором погибло немало людей?». Мой лоб покрывается липким по-

том, хотя я и нахожусь в холодной вонючей ванне. Чувствую, ноги начинают засасывать липкая грязь. С большим усилием освобождаю левую ногу. С боку, носком сапога, ощущаю что-то твердое. Встаю на это предмет. Теперь я в грязи всего по колено. Помаленьку, бшущую передвигаюсь по твердому предмету. Это, оказывается, упавшее дерево. По нему я выбираюсь на твердую землю.

Слабый ветерок шевелит золотистые листья рябины, стоявшей на поляне.

Туман рассеялся, появилось солнце, и кажется мне растерявшемуся, заблудившемуся, что взошло оно не в той стороне. Я бужу своих таяжников. Сидорыч поднялся, надел очки. Взглянул на меня и удивился:

— Куда это тебя угораздило?.. В болото что ли?..

Посмотри, Ваня, на кого он похож?!

Оба, разглядывая мой заляпанный тиною и грязью по самое горло костюм, посмеялись вдоволь.

— Да, братцы, — криво улыбаясь, сказал я — Хотел воды добыть и побывал в болоте. Но оставим об этом речь для подходящего времени. Сейчас займемся более серьезным делом. Сидорыч, ты лазишь на деревья как кот. Заберись-ка вот на эту ель. Если увидишь вырубленную деляну, тогда скажешь мне. — Он нехотя полез на дерево, кряхтя и ворча что-то себе под нос. Наконец он достиг вершины и устало проговорил:

— Нигде не вижу вырубку. Тайга и влево, и вправо. Вообще ей конца и края нет. Да и к чему нам вырубка? Во-он человек обуздывает лошадь.

Мы глянули куда рукой указал Сидорыч. Шагах в пятидесяти от нас на поляне стояла гнедая лошадь, рядом человек среднего роста в светло-коричневом пиджаке, без кейки, с шевелюрой черных пышных волос на голове. Он надевал сияющую украшениями узду на непослушную голову лошади.

— Стой!.. Товарищ!..

Бегом к нему припустился я, дабы спросить о дороге. На моем пути попадает вросший в траву сучковатый валежник. Я прыгнул через него и на долю секунды потерял из виду незнакомца с лошастью. Когда взглянул на полянку, то там никого не было. Лишь на том месте

стояла черемуха с золотистыми листьями. Куда же он мог скрыться в одно мгновение?! Я тщательно осмотрел влажную почву на всей поляне, но не нашел никаких следов и даже примятой травы. Что же это?.. Галлюцинация от обезвоживания организма, от растерянности или от заблуждения. Тогда почему у всех троих одинаковая?.. Мои оба таяжника не верят ни во что, особенно в сверхъестественные силы. Один из них бывший второй, а другой недавно из тех мест, где не исполняется ни одно желание человека.

— Куда тот человек так быстро скрылся? — недоумевал я, подходя к славившему с дерева Сидорычу.

(Это мгновенное исчезновение человека с лошастью, для меня и по сей день остается загадкой).

На мой вопрос оба ответили:

— Не видели...

— Хороши помощнички у меня, — с иронией говорю я. — Теперь вы можете показывать свое мастерство в определении сторон света. Вокруг светло, тепло. Вот только комарики да мошки покусувают.

— Да-а-а! — соглашается со мной Сидорыч, не обращая внимания на мой насмешливый тон. — Эти твари здесь у болота особенно злые, но мы уже как-то к ним привыкли, холера их побери! — почесывая рукою искушенный комарами и мошками бугристый затылок, говорит Сидорыч. Ну, а стороны света сейчас легко определить.

Он подходит к дереву, с которого только что слез, обходит вокруг: видите с южной стороны моху почти нет.

— Значит север с обратной стороны, — соглашаюсь я. — Но мы не засекли в какой стороне наша стоянка?

Нас всех мучит нестерпимая жажда. Идем искать воду. Вскоре находим чудесный родник, который заканчивает свой бег метров через тридцать под корнями засохшей ели. Вдоль него с обеих сторон земля утрамбована, как на танцплощадке, видимо этот чудесный родник поит таяжных обитателей круглый год. Мы с жадностью припали к веде. Пили, пили у меня даже зубы от ледяной воды заныли. Набрали фляжку воды с собой. От ключа пошли по торной звериной тропе. Пройдя с километр, вдруг я увидел врытый в землю столбик с номером квад-

рата тайги. Я обрадовался и подбежал к нему. Я и раньше знал о его существовании и номер его был в моей памяти. Но сейчас этот номер, красиво выведенный красной краской искусной рукой на одной из обтесанных сторон столбика, мне показался не на той стороне где был раньше.

«Что за наваждение? — с горечью подумал я. Со вчерашнего утра что-то непонятное творится со мной». При сборе паданцев на меня вдруг ни с того ни с чего напал смех. Потом и Иван Палыч подключился ко мне. Мы оба без причины часто смеялись до слез. И я тогда в ожидании какой-то неприятности Ивану Палычу пояснил: «Смех без причины — есть признак дурачины на плохое предзнаменование».

И что еще интересно в то время было: когда я поднимал с земли шишку и клал ее в мешок, то мне казалось будто из-за деревьев кто-то на меня смотрел и все время следил за мной. Все это так загадочно, таинственно и непонятно. Там человек с лошастью, как испарился. Теперь с номером не могу разобраться. Куда идти?.. И тут я вспомнил старую поговорку: «Пока гром не грянет, русский не крестится». А креститься то я тогда и не умел. И просто умоляющим голосом обратился к нашему Всемогущему, Всевышнему: Господи, помоги нам выбраться из этих дебрей!!! Пожалуйста, помоги!!! И о, удивительно: только я так сказал, то сразу в моей голове все стало на свои места. Мне стало ясно куда и в какую сторону надо идти. Меня, как будто кто за руку повел. Радость охватила меня, легко стало на душе, исчезла усталость. Я вроде на крыльях летел. Мои таежники еле-еле попевали за мной.

Солнце светило нам в затылок. Ароматный, таежный прохладный воздух взбадривал все тело. По просеке мы быстро вышли к своим мотоциклам. От радости плотно пообедали и покатали домой.

Прощаясь с тайгой Сидорыч изрек свою любимую поговорку:

— Холера их побери эти дебри таежные!.. Больше меня сюда ни сдобным калачом, ни копченой колбасой, ни даже бутылкой столичной не заманишь...